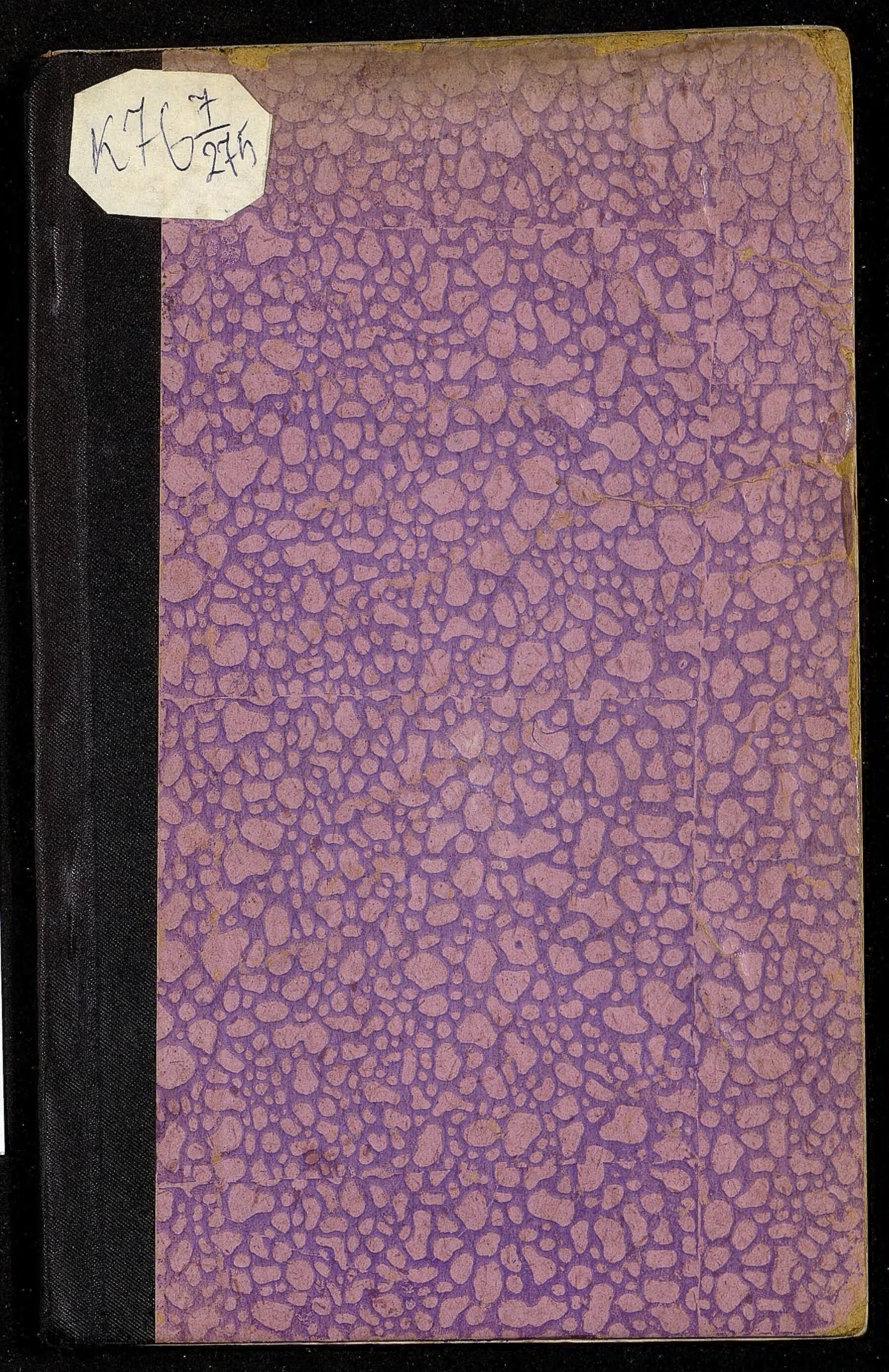

K76 7/275

МЫСЛИ ОБЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА. И. Срезневскаго. *Санктпетербургъ. 1850.*

═

Живое сочувствіе, съ какимъ читатели встрѣтили книгу И. И. Срезневскаго «Мысли объ Исторіи Русскаго Языка», достаточно свидѣтельствуетъ какъ о новости и важности предмета, избраннаго авторомъ для своихъ наблюденій, такъ и объ увлекательномъ его изложеніи. Исторія языка—наука новая. Даже въ самой Германіи только въ 1848 году появилась впервые настоящая, достойная своего названія «Исторія Нѣмецкаго Языка» Якова Гримма, который въ-теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, готовилъ себя къ этому труду самыми спеціальными и утомительными изслѣдованіями по части нѣмецкихъ древностей, миѳологіи, права, литературы и языка. Даже классическіе языки, греческій и латинскій, несмотря на многовѣковую литературу грамматикъ и словарей, только въ настоящее время стали обработываться съ исторической точки зрѣнія трудами Отфрида Миллера, Моммсена, Аренса, Курціуса и другихъ. Недавнимъ успѣхамъ исторической грамматики способствовало сравнительное изученіе языковъ индо-европейскихъ, приведенное уже въ нѣкоторую систему въ лингвистическихъ сочиненіяхъ Боппа, Потта, Бенфея, Бюрнуфа и другихъ, и приспособленное къ исторіи языка Яковомъ Гриммомъ. Неутомимое изслѣдованіе мельчайшихъ подробностей въ сравнительно-исторической грамматикѣ не осталось безплоднымъ и для философской мысли, которая новымъ и яснымъ свѣтомъ освѣтила знаніе и смыслъ грамматическихъ формъ въ превосходныхъ монографіяхъ Вильгельма Гумбольдта. При такихъ-то благопріятныхъ обстоятельствахъ возникло изученіе славянскихъ нарѣчій. Стоитъ только заглянуть въ сочиненіе Шафарика, Копитара, Миклошича, чтобъ убѣдиться въ томъ, какое значительное вліяніе оказали на нихъ лингвистическіе труды братьевъ Гриммовъ, Боппа, Потта, Дица и другихъ. Между-тѣмъ добросовѣстное изученіе и изданіе древнихъ памятниковъ народной словесности болѣе и болѣе обогащало историческую грамматику фактами. Для исторіи славянскихъ нарѣчій твердое основаніе уже было положено Добровскимъ, Востоковымъ и Шафарикомъ, но помѣрѣ открытія новыхъ фактовъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ вообще и въ языкѣ русскомъ въ-особенности, а съ другой стороны, помѣрѣ успѣховъ сравнительно-исторической грам-

матики языковъ индо-европейскихъ, болѣе и болѣе накоплялось матеріала, который современемъ войдетъ въ полную систему сравнительно-исторической русской грамматики. Объ этомъ-то весьма-интересномъ предметѣ изложилъ свои мысли И. И. Срезневскій въ книгѣ, сужденіе о которой предлагаемъ теперь читателямъ. Такъ-какъ авторъ ограничился краткими замѣчаніями и указаніями, а иногда даже одними намеками, то прежде всего постараемся опредѣлить точку, съ которой смотритъ онъ на свой предметъ, а потомъ уже обратимся и къ подробностямъ. Самая новость предмета возбуждаетъ въ рецензентѣ охоту распространять и дополнять разбираемыя имъ наблюденія, тѣмъ болѣе, когда они являются подъ скромнымъ видомъ «мыслей», какъ въ книгѣ И. И. Срезневскаго. Съ другой стороны и для читателей, знакомыхъ съ этимъ сочиненіемъ, могло бы быть небезполезно, еслибъ въ нашей статьѣ встрѣтили они болѣе-подробныя объясненія тѣхъ краткихъ мыслей и намековъ, которыми такъ искусно умѣлъ ихъ заинтересовать авторъ. Иногда интересъ рецензіи зависитъ отъ важности разбираемаго сочиненія, и въ настоящемъ случаѣ рецензентъ можетъ надѣяться на вниманіе читателей только тогда, когда будетъ онъ сколько возможно-вѣрнымъ комментаторомъ своего автора.

Въ какомъ отношеніи стоитъ исторія языка къ современному его состоянію? Необходимо ли историческое изученіе языка для теоріи и слога современнаго? Соотвѣтствуетъ ли историческое развитіе языка успѣхамъ умственной и положительной жизни народа? Наконецъ, въ какой связи состоитъ исторія языка русскаго съ сравнительною грамматикою языковъ индо-европейскихъ? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ само собою вытекаетъ изъ опредѣленія исторіи языка.

Весь организмъ языка образуется уже въ незапамятную, доисторическую эпоху, такъ-что древнѣйшія рукописи славянскія, какія только до насъ дошли, представляютъ славянскій языкъ въ наибольшей полнотѣ и цѣлости его драматическихъ формъ. Богатство звуковъ оказывается уже въ разнообразіи ихъ сочетаній; приставки и окончанія свободно видоизмѣняютъ корень слова; склоненія и спряженія, самыя благозвучныя и полныя, даютъ именамъ и глаголамъ гибкость и движеніе; мѣстоименія, вспомогательный глаголъ, предлоги, союзы, образовались однажды навсегда такими, какіе они и теперь. Все построеніе языка уже въ ту древнѣйшую эпоху проникнуто внутреннею жизненною силой, которая съ незапамятной поры и донынѣ одушевляетъ языкъ.

Мало того. Чѣмъ древнѣе формы языка, тѣмъ онѣ богаче, полнѣе, свѣжѣе, гибче и одушевленнѣе. Языкъ древнихъ памятниковъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ далеко превосходитъ современную рѣчь, какъ живостью, изобразительностью и свѣжестью, которыми проникнута каждая грамматическая форма, такъ и правильностью и глубиною логическаго смысла, лежащаго въ основѣ каждаго слова. Живое сочувствіе къ звуку, какъ естественному человѣческому отголоску чувства и мысли, теперь утраченное, мало-по-малу становится ощутительно, помѣрѣ изученія древнихъ памятниковъ языка.

Но и древнѣйшіе письменные памятники не сохранили намъ золотаго вѣка процвѣтавшаго языка. Богатство и разнообразіе формъ, живость впечатлѣнія, глубина смысла, логическая правильность стариннаго языка, заманивая вдаль изслѣдователя древнихъ рукописей, только яснѣе доказываютъ, что прежде, въ эпоху недосягаемую, языкъ

могъ быть еще совершеннѣе въ своемъ грамматическомъ построеніи; что древнѣйшія формы языка суть такія же развалины первоначальнаго организма, какъ и языкъ нынѣшній, развѣ только свѣжѣе и не столь обезображены наростами и обломками отъ теченія вѣковъ, какъ послѣдній.

Такъ-какъ въ наидревнѣйшій, первоначальный періодъ, открываемый намъ исторіею, человѣкъ является уже одареннымъ всѣми человѣческими способностями, а потому и языкомъ, какъ природнымъ выраженіемъ ихъ всѣхъ, то образованіе языка предшествуетъ исторической жизни народовъ. Съ появленіемъ народа на историческомъ поприщѣ является и языкъ его, какъ его нравственная физіономія, уже установившаяся и окрѣпшая въ періодъ доисторическій. Такимъ-образомъ твореніе языка предшествуетъ историческому появленію народа, и относится къ эпохѣ доисторической; это древнѣйшій періодъ исторіи языка—періодъ, стоящій внѣ исторической жизни самаго народа. Характеристику этого періода такъ заключаетъ авторъ: «Время развитія «формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ «дологъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ «есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать и второй» (стр. 11). Изъ этой доисторической эпохи языкъ выступаетъ уже какъ органическое цѣлое, вполнѣ созданное, одаренное такою жизненною силою, которая многія столѣтія одушевляетъ языкъ до-тѣхъ-поръ, пока живетъ самъ народъ, на немъ говорящій. Итакъ все существенное въ органическомъ построеніи языка образуется въ эпоху, стоящую внѣ историческаго развитія. Потому всѣ существенные вопросы о языкѣ современномъ, а равно и объ историческомъ движеніи языка отъ древнѣйшей поры и доселѣ первоначально разрѣшаются въ томъ его составѣ, въ какомъ онъ представляется въ древнѣйшихъ своихъ памятникахъ, въ томъ видѣ, какъ онъ образовался въ періодъ доисторическій. Сочетаніе и измѣненіе звуковъ, склоненія и спряженія, приставки и окончанія, и прочія грамматическія формы русскаго современнаго языка находятъ свое простѣйшее объясненіе въ древнѣйшихъ формахъ, какъ церковно-славянскаго и русскаго, такъ и другихъ славянскихъ нарѣчій, по древнѣйшимъ памятникамъ. Потому-то, изучая грамматику, напримѣръ, Остромирова Евангелія, фрейзингенскихъ памятниковъ, древнѣйшихъ поэтическихъ произведеній чешской литературы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемъ и современный русскій языкъ. Въ этихъ старинныхъ памятникахъ встрѣчаемъ, съ немногими уклоненіями, тѣ же свойства звуковъ, тѣ же падежи и личныя и временныя окончанія глаголовъ, однимъ словомъ, то же органическое построеніе, какъ и въ современномъ языкѣ русскомъ.

Каждое изъ славянскихъ нарѣчій въ отдаленности есть только членъ одного общаго имъ всѣмъ славянскаго организма. Каждое славянское нарѣчіе, не исключая и церковно-славянскаго, исторически развиваясь своею собственною жизнію, образовало свою собственную отличительную физіономію, удержавъ нѣкоторые признаки древнѣйшаго языка въ большей чистотѣ, нѣкоторые же вовсе утративъ. Потому всѣ славянскія нарѣчія восполняютъ одно другое для возсозданія существенныхъ, исконныхъ свойствъ языка славянскаго вообще, ибо каждое нарѣчіе сохранило въ себѣ какую-либо развалину этого первобытнаго организма. Отсюда ясно, что для изученія языка русскаго, какъ живаго, цѣльнаго состава, необходимо признать его однимъ изъ органическихъ чле-

новъ расторгнутаго по частямъ древнѣйшаго и совершеннѣйшаго организма. Это общее всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, объемлющее и языкъ русскій, выступаетъ въ томъ систематическомъ, художественномъ построеніи, которое воздвигаетъ наука о языкѣ изъ сокрушенныхъ развалинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія и искаженія частію въ томъ, частію въ другомъ славянскомъ нарѣчіи.

Но и славянскія нарѣчія, всѣ вмѣстѣ взятыя въ своихъ существенныхъ, первобытныхъ свойствахъ — въ свою очередь также не что иное, какъ членъ другаго, обширнѣйшаго и совершеннѣйшаго организма языковъ индо-европейскихъ. Каждый изъ этихъ языковъ, не исключая и санскрита, развиваясь исторически, многое терялъ изъ своихъ первобытныхъ свойствъ и многое удерживалъ, какъ залогъ своего родства съ прочими языками индо-европейской семьи. Такъ-какъ въ одномъ языкѣ сбереглось, подобно драгоцѣнной развалинѣ, одно первобытое качество индо-европейскаго поколѣнія, въ другомъ другое, то совокупленіе всѣхъ этихъ остатковъ далекой доисторической жизни въ одно цѣлое составитъ тотъ прекрасный организмъ, общій всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ, который возсоздать имѣетъ въ виду сравнительная грамматика этихъ языковъ, разрѣшающая существенные вопросы о первобытныхъ свойствахъ каждаго изъ нихъ. Итакъ славянскій языкъ, какъ живое цѣлое, можетъ быть понятъ только въ связи съ прочими языками индо-европейскими, ибо онъ есть только органическій членъ одного общаго имъ всѣмъ организма.

Отсюда видно, что изучить языкъ русскій нельзя мимо славянскихъ нарѣчій, и славянскія нарѣчія мимо прочихъ языковъ индо-европейскихъ. Языкъ русскій только въ связи съ прочими славянскими нарѣчіями, только какъ членъ цѣлаго состава языка славянскаго, входитъ въ составъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ племенъ. Такая-то сравнительная грамматика языка русскаго и объяснитъ намъ доисторическое его образованіе. Итакъ въ исторіи русскаго языка древнѣйшій, доисторическій періодъ, когда создается весь составъ языка, есть *періодъ сродства его, какъ одного изъ славянскихъ нарѣчій, съ прочими индо-европейскими языками.* Такова тѣсная, неразрывная связь исторіи языка съ сравнительною грамматикою, которая составляетъ часть, и именно древнѣйшій періодъ исторіи каждаго изъ языковъ индо-европейскихъ.

Таково убѣжденіе и самого автора, что́ видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Какъ племена, такъ и народы одного племени остаются «однимъ нераздѣльнымъ народомъ до-тѣхъ-поръ, пока не отдѣляются «одинъ отъ другаго, однимъ народомъ нераздѣльнымъ по условіямъ «народности, по образованности, нераздѣльнымъ и по языку. Только «со времени отдѣленія отъ племени своего, народъ начинаетъ свою от«дѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а *продолжая жизнь прежде «уже бывшую,* и отражаетъ ее въ языкѣ, *уже готовомъ* къ этому, уже «до нѣкоторой степени образованномъ. Народъ развиваетъ свою лич«ную народность изъ народности своего племени, и языкъ его, хотя «и становящійся постепенно выраженіемъ этой отдѣльной народности, «*только продолжаетъ путь уже прежде начатый.* Путь этотъ можетъ «быть имъ и не оконченъ. Этотъ отдѣльный народъ можетъ самъ раз«ростись въ племя, раздѣлиться на народы, и каждый изъ нихъ по«своему долженъ продолжать путь развитія языка. Языкъ нетолько до «отдѣленія народа отъ родственныхъ народовъ, но и *долго послѣ остает-*

«*ся нарѣчіемъ другаго языка;* потомъ самъ дробится на нарѣчія; каждое «изъ этихъ нарѣчій можетъ въ свою очередь образоваться въ отдѣль-«ный языкъ. *Такимъ образомъ исторія языка каждаго отдѣльнаго наро-«да есть только часть исторіи языка цѣлыхъ племенъ».* (Стр. 16—17.) И далѣе, примѣняя это общее положеніе къ языку русскому, авторъ присовокупляетъ: «Такъ и начало русскаго языка теряется въ глубинѣ вѣ-«ковъ давно прошедшихъ, и его собственная, такъ-сказать, личная «исторія, какъ языка исключительно русскаго народа, есть только про-«долженіе исторіи языка племени славянскаго; а эта — продолженіе «исторіи языка всей отрасли индо-европейской». (Стр. 19.) Отмѣченное нами прямо указываетъ на необходимость ввести сравнительную грамматику въ исторію языка русскаго. Мы съ намѣреніемъ выше высказали эту истину съ большей рѣзкостью, ибо авторъ, признавая ся необходимость, какъ-бы намѣрепно устраняется впослѣдствіи отъ сравнительной грамматики. Даже въ изложеніи своихъ началъ, говоря, что «исторія языка каждаго отдѣльнаго народа *есть только часть* исторіи языка цѣлыхъ племенъ» — онъ освобождаетъ себя отъ сравнительныхъ изслѣдованій: ибо, обработывая *отдѣльную часть* какого-либо цѣлаго состава, онъ не обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ обработывать и *всѣ остальныя части* онаго. Противъ этого и говорить нечего. Но дѣло въ томъ, что сравнительная грамматика, какъ объяснено было выше, съ чѣмъ согласны и положенія автора — входитъ *какъ часть* въ исторію каждаго изъ индо-европейскихъ языковъ. Не можетъ же цѣлое входить въ свою часть, не можетъ быть цѣлое меньше своей части: это математическая аксіома. Слѣдовательно, надобно предположить, что кругъ понятія исторіи языка—говоря логическими терминами—соприкасается съ кругомъ понятія сравнительной грамматики, и, слѣдовательно, извѣстная часть сравнительной грамматики языковъ индо-европейскихъ входитъ въ составъ исторіи языка русскаго.

Прежде нежели укажемъ, что именно изъ сравнительной грамматики должно быть введено въ исторію русскаго языка, должно замѣтить, что мы не столько противорѣчимъ автору, сколько думаемъ дополнить его положенія. Приступая даже ко второму періоду исторіи языка, собственно историческому, авторъ признаетъ и въ немъ слѣды первоначальнаго сродства: «Этотъ второй періодъ есть періодъ превращеній. «Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ пер-«вый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьет-«ся въ двойную нить съ продолженіемъ перваго». (Стр. 11.) Вотъ какъ опредѣляетъ авторъ этотъ періодъ: «Такъ какъ второй періодъ исто-«ріи языка обрисовывается всегда постепеннымъ *паденіемъ прежнихъ «формъ,* постепеннымъ замѣненіемъ ихъ другими формами, которыя не «такъ неотрѣшимо спаеваются съ словами, которыхъ употребленіе не «такъ непроизвольно, которыя мѣняются, превращаются; то его едва «ли можно назвать иначе, какъ періодомъ превращеній». (Стр. 13.) Но такъ-какъ *паденіе* первоначальныхъ формъ начинается уже въ періодъ доисторическій, то начало его можно подмѣтить только сравнительнымъ изслѣдованіемъ, имѣющимъ мѣсто при опредѣленіи древнѣйшаго періода исторіи языка. Итакъ сравнительная часть исторіи русскаго языка должна рѣшить, вопервыхъ, чѣмъ отдѣлился языкъ русскій отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій — именно, какія удержалъ древнѣйшія свойства, общія всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и какія измѣнилъ, или и вовсе утратилъ; вовторыхъ, чѣмъ отдѣлился славянскій языкъ во-

обще отъ прочихъ языковъ индо-европейскихъ, какія свойства, общія имъ всѣмъ, удержалъ, и какія измѣнилъ, либо утратилъ. Такъ-какъ уже въ эпоху доисторическую, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ народовъ и племенъ, обозначилось паденіе формъ каждаго изъ языковъ индо-европейскихъ, не исключая и санскрита, то изученіе паденія и превращенія формъ русскаго языка, составляющее содержаніе всей его исторіи, должно начинаться сравнительною грамматикою, которая покажетъ сначала первоначальную, или, по-крайней-мѣрѣ, болѣе-общую всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ форму, а потомъ уже постепенное паденіе и видоизмѣненіе ея въ языкѣ русскомъ. Если же нашъ языкъ сохранилъ, хотя бы и до-сихъ-поръ, какую-нибудь форму первобытную, то ее слѣдуетъ отмѣтить, какъ древнѣйшую, наряду съ формами другихъ индо-европейскихъ языковъ. Такъ, напримѣръ, окончаніе 2-го лица ед. числа глаголовъ изъявительнаго наклоненія настоящаго (и будущаго) времени на *си* есть первобытная форма въ языкахъ индо-европейскихъ, сохранившаяся только въ санскритѣ и языкѣ славянскомъ, и уже измѣнившаяся въ греческомъ и латинскомъ: славянское *яси* (вмѣсто ядси), санскритскія *атсі*, нынѣшнее русское *ѣшь*; даси (вмѣсто дадси, а, можетъ-быть, и просто отъ корня *да*: да-си), санскритскіе *дадасі*, нынѣшнее *дашь*. Кромѣ-того, эти старобытныя формы, наперекоръ всеобщему употребленію, давно уже ихъ измѣнившему, доселѣ живутъ въ устахъ народа русскаго въ новогородскомъ нарѣчіи (*): *поѣси*, вмѣсто поѣшь, *даси*, *продаси*—вмѣсто дашь, продашь. Такія античныя формы прямо изъ современнаго языка могутъ быть внесены въ древнѣйшій доисторическій періодъ языка, ибо языкъ въ историческомъ своемъ развитіи (какъ основательно замѣчаетъ авторъ) «становится «связью частей разновременно образованныхъ, древнихъ и новыхъ». (Стр. 15.) Даже можетъ случиться и такъ, что въ языкѣ современномъ иногда удержится и такая форма, которая, по своему составу, оказывается первобытнѣе формъ даже самого санскрита, какъ это очевидно изъ сличенія санскритскаго *асі* и нашего *еси* съ литовскимъ *essi* и съ дорическимъ ἐσσί, въ которыхъ удвоенный звукъ *сс* указываетъ, что одно *с* принадлежитъ корню: *ес*, а другое окончанію — *сі*: *ес-сі*, тогда-какъ въ санскритѣ звукъ корня уже слился съ окончаніемъ; также и въ славянскомъ. Такимъ-образомъ и санскритъ, равно какъ и всякій другой индо-европейскій языкъ, представляетъ въ себѣ примѣры паденія и искаженія формъ. Съ такимъ воззрѣніемъ на сравнительную грамматику изслѣдующій исторію русскаго языка не можетъ подвергнуться несправедливому нареканію, будто онъ ведетъ исторію своего языка отъ санскрита, изъ Литвы, или откуда-нибудь еще. Этотъ враждебный взглядъ на сравнительныя изслѣдованія есть еще остатокъ того простодушнаго времени, когда, набравъ десятка три созвучныхъ словъ въ языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, единственно съ тою только наивною цѣлью, чтобы похвалиться, что либо русскій языкъ производилъ отъ французскаго и нѣмецкаго (если сочинители были иностранцы), либо французскій и нѣмецкій отъ русскаго (если сочинители были изъ Русскихъ). Этотъ предразсудокъ даже въ Германіи господствовалъ до послѣдняго времени, и самъ Боппъ въ 1842 году долженъ

(*) С. Шевырева «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій Монастырь», ч. II-я, стр. 107 и 113.

былъ защищаться отъ незаслуженнаго имъ упрека, будто онъ всѣ языки ведетъ отъ санскрита, между-тѣмъ, какъ уже въ 1820 году онъ имѣлъ случай опредѣлительно изложить свой взглядъ на взаимное отношеніе индо-европейскихъ языковъ.

Есть еще мнѣніе, заподозрившее сравнительныя изслѣдованія — мнѣніе гораздо-основательнѣе и дѣльнѣе вышеизложеннаго. Оно было вызвано поверхностными сближеніями русскаго языка съ другими индоевропейскими. Съ особенной рѣзкостью было оно выражено г. Билярскимъ, авторомъ замѣчательнаго сочиненія о Реймскомъ Евангеліи. Г. Билярскій, видя безплодность такихъ сближеній, неоснованныхъ на знаніи ни сравнительной грамматики, ни исторіи своего языка, совѣтуетъ лучше обратиться къ азбукѣ, приводя въ примѣръ трудолюбиваго Я. Гримма; но это мнѣніе очевидно тотчасъ же примиряется съ сравнительной грамматикой, какъ-скоро усмотритъ въ ней основательное знаніе, какъ чужихъ языковъ, такъ и своего собственнаго.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія видимо не затрудняется мнѣніями, враждебными сравнительному ученію и указываетъ этому ученію законное мѣсто въ исторіи языка русскаго, но, къ-сожалѣнію, не вездѣ прибѣгаетъ къ пособію сравнительной грамматики, гдѣ оказывалось это нужнымъ для уясненія фактовъ. Такъ-какъ этотъ недостатокъ происходитъ отъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ намѣревался держаться авторъ, то мы замѣчаемъ его не въ укоръ сочиненію, а единственно изъ желанія объяснить въ прекрасной книгѣ И. И. Срезневскаго то, что читателямъ по краткости изложенія можетъ быть непонятно.

Вотъ примѣры. На стр. 53 авторъ говоритъ: «Изъ другихъ гла-«сныхъ звуковъ ранѣе прочихъ подверглась удаленію отъ первона-«чальнаго звука буква *ѣ*. Переходъ *ѣ* въ *а* и въ *и* замѣтенъ въ древ-«нѣйшихъ памятникахъ славянскихъ, и теперь повторяется во мно-«гихъ нарѣчіяхъ: въ *и* болѣе всего въ сербскомъ у римско-католиковъ «и въ чешскомъ всегда, когда оно должно выговариваться протяжно «*(бида, вира)*; въ *а* болѣе всего въ польскомъ (biada, wiara). Кромѣ-«того въ сербскомъ оно выговаривается какъ *ије (сриједа, мијесто)*, въ «хорутанскомъ какъ *еи (среида, меисто)*. Замѣненіе *ѣ* посредствомъ *и* «обычно и въ русскомъ во всѣхъ краяхъ *(дитя=дѣтя, дира=дѣра)*; «на сѣверозападѣ въ великорусскомъ и малорусскомъ оно сдѣлалось «необходимою принадлежностью выговора. Замѣненіе *ѣ* посредствомъ «*а* не такъ часто, однако встрѣчается не только теперь въ говорѣ на-«рода великорусскаго, но и въ древнихъ памятникахъ.» Авторъ весьма-искусно сгруппировалъ сравнительныя данныя изъ исторіи славянскихъ нарѣчій; но объясняютъ ли онѣ значеніе звука *ѣ*? Отчего такое разнообразіе между славянскими нарѣчіями въ произношеніи этого звука? Если въ этомъ разнообразіи обозначилось *паденіе* первоначальнаго звука, то каковъ же именно былъ онъ? Отчего *ѣ* произносится то какъ *и*, то какъ *а*, *я*, то какъ *еи*? Нѣтъ ли какого отношенія между звуками *и*, *а*, *еи*? Почему въ чешскомъ *ѣ* переходитъ въ долгое *í*? — Вотъ вопросы, которые естественно задаетъ себѣ читатель, вникнувъ въ вышеприведенное изслѣдованіе о буквѣ *ѣ*.

Не беремся окончательно рѣшить эти вопросы, но укажемъ, по крайнему нашему разумѣнію, прямой и естественный путь къ ихъ рѣшенію. Такъ-какъ исторія застаетъ славянскія нарѣчія въ томъ періодѣ, когда они уже потеряли единогласное употребленіе звука *ѣ*, то

спрашивается: у Славянъ ли началось первоначальное паденіе этого звука, или оно замѣчается уже и въ прочихъ индо-европейскихъ языкахъ? Притомъ, такъ-какъ славянскій выговоръ звука *ѣ* представляетъ значительное разнообразіе, то нельзя ли это разнообразіе подвести къ нѣкоторому единству сближеніемъ славянскихъ формъ съ формами другихъ языковъ индо-европейскихъ?

Нашему *ѣ* соотвѣтствуютъ: въ санскритѣ долгое *ê*, образовавшееся изъ *i* посредствомъ гуны, или вставки *a* передъ *i*; слѣдовательно, нашему *ѣ* въ санскритѣ соотвѣтствуютъ: *ê*, *ai*; въ готскомъ — также *ai*, то-есть санскритская гуна; въ литовскомъ — *ai*, *ei*, а также и долгое *ê*, какъ въ санскритѣ; въ греческомъ санскритское *a* переходитъ въ *e* и *o*, и, слѣдовательно, санскритская гуна *ai* погречески будетъ *oi*, *ei*, которыя и соотвѣтствуютъ нашему *ѣ*. Обратимся къ примѣрамъ. Отъ санскритскаго *вid* (знать, первоначально видѣть), черезъ гуну, образуется *вêда* (изъ *ваiда*); въ древне-прусскомъ, какъ литовскомъ нарѣчіи, также какъ и въ санскритѣ, гуна *ai*: *vaidimai* (scimus); въ готскомъ *vait* (ich weis), отъ корня *vit*, черезъ гуну *ai*; въ литовскомъ *ei* соотвѣтствуетъ санскритскому *ai*; слѣдовательно, литовское *weizdmi* (video) равняется санскритскому *вêдмi* (изъ ваiдмi), сличи литовское *weidas* (facies). Въ латинскомъ языкѣ это слово осталось въ первоначальной формѣ и съ первоначальнымъ значеніемъ: video. Въ греческомъ *ei*, *oi* соотвѣтствуютъ санскритскому *ai*; потому *ваiд*, безъ придыханія *в*, является въ греческихъ: *εἶδον, εἴδομαι, οἶδα*. У насъ чистый звукъ *i* сохранился въ словѣ съ первоначальнымъ значеніемъ: *видѣть*; однако производное отъ корня *вид* слово *вѣжда* указываетъ на измѣненіе *i* въ *ѣ* въ этомъ корнѣ и съ значеніемъ видѣнія. Въ Остромировомъ Евангеліи, вмѣсто «свидѣтель», употребляется «съвѣдѣтель». Наконецъ, наше *вѣдать*, соотвѣтствуя санскритскому *вêда* (изъ *ваiда*), указываетъ на свое образованіе изъ *вид* посредствомъ гуны *ai*, *ei* или *ѣ*. Слѣдовательно, Славяне звукомъ *ѣ* отмѣтили въ своемъ языкѣ тѣ звуки, которые въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ образуются гуною, а именно: *ai*, *ei*, *oi*, *ê*. Не желая утомлять читателя наборомъ примѣровъ, ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ: соотвѣтствіе нашего *ѣ* санскритскому долгому *ê*, образовавшемуся гуною, проходитъ по всему организму какъ славянскаго языка, такъ и санскрита; на это указываютъ грамматическія формы, именно двойственное число склоненій женскаго и средняго рода, и славянское повелительное наклоненіе, соотвѣтствующее санскритскому potentialis перваго спряженія.

Намъ кажется, что эта первоначальная судьба звука *ѣ* въ исторіи языка должна предшествовать тѣмъ фактамъ, которые мы привели выше словами нашего автора. По-крайней-мѣрѣ теперь, основываясь на выше-предложенныхъ сравнительныхъ выводахъ, мы можемъ дать нѣкоторый отчетъ въ причинѣ разнообразія звуковъ, которыми славянскія нарѣчія замѣняютъ *ѣ*.

Вопервыхъ, такъ-какъ *ѣ*, или санскритское долгое *ê* образуется изъ *i* помощію приставки къ нему *a*, то весьма-естественно въ исторіи языка встрѣтить, вмѣсто *ѣ*, тотъ или другой элементъ изъ этихъ двухъ, его составляющихъ; потому, кромѣ формы *бѣда*, находимъ у Славянъ *бида* и *бяда*.

Вовторыхъ, такъ-какъ *ѣ* соотвѣтствуетъ не только санскритскому *ê*, но и разложенію его на два элемента *ai*, въ другихъ языкахъ *ei*,

то въ славянскихъ нарѣчіяхъ весьма-естественно найдти при звукѣ *ѣ* и его разложеніе *ei:* оттого *мѣсто* произносится и *мецсто*.

Втретьихъ, такъ-какъ наше *ѣ* соотвѣтствуетъ санскритскому долгому *ê*, то естественно встрѣтить и у Славянъ нетолько долгое *ѣ*, а также и съ удареніемъ *ѣ*, но и долгое *и*, которымъ замѣняется *ѣ*, напримѣръ, въ чешскомъ нарѣчіи.

Такъ объясняются славянскія формы, будучи подведены подъ общіе законы развитія языковъ индо-европейскихъ. Эти законы еще необходимѣе имѣть въ виду при опредѣленіи историческаго отношенія формъ русскаго языка къ другимъ индо-европейскимъ. Такимъ-образомъ, зная, что нашему *ѣ* соотвѣтствуетъ готское *ai*, мы прямо заключаемъ о родствѣ слѣдующихъ готскихъ словъ съ славянскими: dails — дѣлъ, дѣлить, vaian — вѣять, snaivs — снѣгъ, hlaibs — хлѣбъ, hlaiv — хлѣвъ, thairko — дѣра.

Но оставимъ буквы и приведемъ другой примѣръ изъ грамматическихъ формъ, именно изъ спряженій. На страницѣ 83-ей вотъ что́ авторъ говоритъ объ окончаніи перваго лица прошедшаго простаго «(рѣхъ, звахъ) : *хъ* есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ *мъ* «(срав. *ego—me*, герм. *ich—mich*, лит. *as* и *mas—mene*, слав. *азъ—мѧ*)». Здѣсь авторъ очевидно слѣдуетъ мнѣнію Добровскаго, изложенному имъ на страницѣ 565-й Institut. linguae Slavicae.

Противъ этого мнѣнія мы имѣемъ сказать слѣдующее. Вопервыхъ, *хъ* есть указатель не лица вообще и не перваго лица въ-особенности, а времени; ибо *х* оказывается и въ прочихъ лицахъ прошедшаго времени, измѣненный въ *с* и *ш*: бѣхъ, бѣсте, бѣшѧ, и даже *х* для третьяго лица множественнаго числа: бѣхѫ. Такъ-какъ звуки *х*, *с*, *ш* суть фонетическое измѣненіе одного и того же элемента, то нѣтъ препятствія не согласиться съ мнѣніемъ Боппа, изложеннымъ въ предисловіи ко второму выпуску «Сравнительной Грамматики» 1835 года, что наше прошедшее на *хъ* есть то же, что́ греческій и санскритскій аористъ: сличи славянское—несошѧ, греческое—ἔδειξ-σαν и санскритское—адік-шан. Итакъ нашему прошедшему на *хъ* соотвѣтствуютъ аористы: греческій на *σα* и санскритскій на *сам*. Это мнѣніе, при всей очевидной достовѣрности, могло бы приниматься не болѣе, какъ за вѣроятное, правдоподобное, еслибы между славянскою формою на *хъ*—«несохъ» и греческимъ аористомъ на *σα*—«ἔλυσα» не оказалось въ исторіи славянскаго языка формы переходной, такъ-сказать средняго термина, которымъ окончательно сближается наше прошедшее на *хъ* съ греческимъ и санскритскимъ аористомъ. Эта средняя, переходная форма есть прошедшее время на *съ*, вмѣсто *хъ*, а именно; первое лицо единственнаго числа — прѩсъ; первое лицо множественнаго числа—прѩсомъ; третье лицо множественнаго—прѩсѧ. Замѣчательно, что эта форма во всѣхъ лицахъ удерживаетъ характеристику *с*. Такимъ-образомъ въ исторической послѣдовательности наше окончаніе прошедшаго времени на *хъ*, чрезъ древнѣйшую форму на *съ*, восходитъ къ аористамъ языковъ индо-европейскихъ.

Если этими примѣрами мы достаточно объяснили неразрывную связь исторіи языка съ сравнительной грамматикой, то позволимъ себѣ думать, что достигли предположенной цѣли. Теперь послѣдуемъ за авторомъ далѣе.

Мы замѣтили, что второй періодъ исторіи языка, обозначающійся разстройствомъ первоначальныхъ формъ, зараждается уже въ теченіе перваго доисторическаго періода; простирается же онъ до нашихъ временъ. Такъ характеризуетъ его авторъ: «Съ самаго нача-«ла этого періода прежняя стройность формъ разстраивается; новая «стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а «мыслей, имъ выражаемыхъ. Все-равно помощію той или другой формы, «лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить.»—«Мысль «о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ «нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая «постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не-«рѣдко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться «съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое «важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зараждается и крѣп-«нетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, «часто наперекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по «времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона» (стр. 11—12). Рѣзкая и, къ-сожалѣнію, вѣрная характеристика языка! Съ теченіемъ времени изъ живаго организма языкъ становится пустымъ звукомъ, условнымъ знакомъ для выраженія мысли. Языкъ, по вступленіи народа на поприще исторіи, оказывается трупомъ, организмомъ уже не живымъ, а замирающимъ. Періодъ творческаго созданія и переворотовъ уже совершился. Дальнѣйшая исторія языка состоитъ только въ указаніи того, какъ онъ подчинялся вліянію развивающейся мысли человѣка. Въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности еще замѣчаемъ нѣкоторую сознательность въ употребленіи грамматическихъ формъ и сочувствіе звукамъ; но мало-по-малу и эти проблески сознанія гаснутъ. Вся этимологія оказывается какъ-бы окаменѣлостью нѣкогда-живаго созданія. Господство мысли отпечатлѣвается въ разнообразномъ сочетаніи предложеній. Такимъ-образомъ важнѣйшая часть грамматики, объемлющая періодъ доисторическій — этимологія; языка же исторически развивающагося—синтаксисъ. Потому преимущественный интересъ грамматики языковъ, по своему позднѣйшему образованію мало входящихъ въ область сравнительной грамматики, каковы французскій, англійскій, собственно заключается въ синтаксисѣ.

Здѣсь мѣсто обратиться къ рѣшенію выше-предложенныхъ вопросовъ: въ какомъ отношеніи стоитъ исторія языка къ исторіи народа, и какую пользу для современнаго языка можетъ принести исторія этого языка?

Исторія литературы, искусствъ, наукъ, развивается вмѣстѣ съ жизнію народа. Образуется народъ—образуется и его письменность. Любимыя идеи и вѣрованія отражаются въ произведеніяхъ народнаго ума и воображенія. Не такова исторія языка. Съ усовершенствованіемъ народа въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, языкъ уже не двигается впередъ, не совершенствуется въ своихъ формахъ, не пріобрѣтаетъ ни новыхъ сочетаній звуковъ, ни совершеннѣйшихъ формъ грамматическихъ, но даже теряетъ мало-по-малу и тѣ богатства, какія имѣлъ искони. Только въ одномъ отражается на языкѣ совершенствованіе народное—именно въ большей правильности и ясности при изложеніи мыслей въ рѣчи. Но это происходитъ уже не отъ совершенствованія языка, а отъ стремленія подчинить безсознательно-употребляемыя формы языка отвлеченной мысли. Окончательное отдѣленіе

языка отъ жизни народной наступаетъ съ-тѣхъ-поръ, когда языкъ ограничатъ тѣснымъ кругомъ письменной литературы и подчинятъ синтаксису чужихъ языковъ, заимствуя изъ него общія, логическія отвлеченности для построенія на нихъ правилъ ясному и логически-опредѣленному выраженію мыслей. Итакъ съ совершенствованіемъ народа языкъ можетъ измѣняться, искажаться, но не двигается впередъ, ибо онъ единожды навсегда созданъ высшею творческою силою и, подобно природѣ внѣшней, можетъ быть примѣняемъ къ потребностямъ человѣка; но, какъ та же природа, онъ не можетъ принимать постояннаго участія въ движеніи историческихъ судебъ народа. Сколько могли мы замѣтить, намъ кажется, что то же воззрѣніе на исторію языка лежитъ въ основѣ разбираемой нами книги; потому и предупреждаемъ читателя, чтобъ онъ не приписалъ инаго, болѣе-тѣснаго отношенія исторіи языка къ исторіи народа, не вникнувъ въ слѣдующія слова автора: «Исторія языка, *нераздѣльная съ исторіею народа*, должна входить въ народную науку, какъ «ея необходимая часть» (стр. 7). Языкъ, какъ и природа внѣшняя, оказываетъ вліяніе на характеръ народа; и поскольку географія нераздѣльна съ исторіею народа, постольку и исторія языка. Могутъ расширяться или стѣсняться предѣлы государства, можетъ измѣняться политическое дѣленіе его на области; но горы, поля и воды остаются тѣ же. Развѣ только промышленость народная перекопаетъ горы, удобритъ поля, въ одномъ мѣстѣ вырубитъ, въ другомъ разведетъ лѣса, проведетъ искусственныя водяныя сообщенія; но той образовательной силы, которая вложена въ природу Творцомъ и которая одна неукоснительно дѣйствуетъ на характеръ народа, не заглушитъ никакая промышленость. Такъ и языкъ можетъ расширять свои *внѣшніе* предѣлы внесеніемъ чужеземныхъ словъ, или стѣснять *внутренніе* предѣлы (если позволятъ такъ выразиться) утратою основныхъ и существенныхъ грамматическихъ формъ; составныя же части грамматики, складъ языка, его внутренняя образующая сила, какъ самая душа народа, остаются неприкосновенны. Но какъ промышленость подчиняетъ природу искусству, такъ и образованность, не думая о красотѣ и силѣ языка, равнодушно пользуется имъ для выраженія мысли. Въ настоящее время требовать отъ пишущаго или говорящаго, чтобы онъ живо представлялъ въ своемъ воображеніи и сознавалъ изобразительность и коренной смыслъ каждой грамматической формы— было бы столь же неумѣстно, какъ заставить спекулятора изъ любви къ природѣ пощадить отъ топора красивую рощицу, когда она понадобится ему для топки его фабрики. Наши грамматики, возникшія при такомъ практическомъ воззрѣніи на языкъ, были естественнымъ выраженіемъ современнаго отношенія мысли къ языку. Въ нихъ не найдете стремленія объяснить, исторически или сравнительно, происхожденіе теперь-непонятныхъ намъ грамматическихъ формъ, зато встрѣтите много полезныхъ правилъ для логическаго, яснаго изложенія мыслей. Такъ-какъ рѣдкія, исключительныя формы, остатки старины, составляли камень преткновенія въ общихъ правилахъ, которыя любитъ практическая грамматика, то эти старинныя развалины разсматривала она не какъ маститую, почтенную древность, а какъ досадное для правила исключеніе, отъ котораго ни чѣмъ инымъ не отдѣлаешься, какъ поставишь его въ скобкахъ при общемъ правилѣ. Провинціализмы, народныя реченія и старинный языкъ эта грамматика не хочетъ

и знать, потому-что для нея все это безобразный, даже безсмысленный хламъ, лишній наростъ, которымъ отягчишь мысль и нарушишь логическія правила, общія всѣмъ языкамъ. Самые идіотизмы объясняетъ она преимущественно употребленіемъ, или даже злоупотребленіемъ языка. Наконецъ, эта грамматика знаетъ въ языкѣ только одни *правила*, а не *законы*. Польза такой науки для практическаго употребленія несомнѣнна: она вполнѣ достигаетъ своей цѣли—учитъ правильному употребленію языка для выраженія мыслей, письменно и словесно.

Какую же пользу для практики принесетъ исторія языка? Книга И. И. Срезневскаго убѣдитъ всякаго, что исторія русскаго языка преимущественно состоитъ въ непрестанномъ разрушеніи первоначальныхъ, основныхъ и существенныхъ формъ языка, въ постепенномъ удаленіи сознанія народнаго отъ смысла, въ самомъ словѣ содержащагося. Что же отсюда извлечь для современнаго употребленія? Развѣ печальное убѣжденіе, что теперь языкъ употребляется гораздо-безсознательнѣе, чѣмъ употреблялся въ старину? что онъ хотя выигралъ нѣсколько въ ясности, зато потерялъ гораздо-болѣе въ-отношеніи свѣжести, изобразительности и воодушевленія? Только одинъ этотъ выводъ былъ бы весьма-неутѣшительнымъ результатомъ исторіи языка, еслибы, указывая неминуемую утрату, она не могла восполнить потеряннаго столько, сколько это возможно наукѣ. Прежде всего она дастъ болѣе-ясное понятіе о языкѣ: ибо видоизмѣняясь отъ древнѣйшей эпохи до нашихъ временъ, «языкъ становится связью частей разновременно образованныхъ, древ«нихъ и новыхъ», какъ основательно замѣчаетъ авторъ на стр. 15. Въ этомъ отношеніи языкъ можно уподобить какому-нибудь старинному городу, въ которомъ остатки дохристіанскихъ развалинъ перестроены частію въ храмы, частію въ жилые домы, и въ которомъ рядомъ съ античнымъ, греческимъ или римскимъ портикомъ, уютно и скромно стоитъ хижина новѣйшаго издѣлія. Описать такой городъ — значитъ изложить его исторію. Такая же смѣсь развалинъ, перестроекъ и новыхъ сооруженій и въ языкѣ: распутать грамматическія формы, въ которыхъ такъ затѣйливо перепутано старое съ новымъ, не иначе возможно, какъ подробнымъ изложеніемъ исторіи языка. Какъ-скоро эта наука объяснитъ въ языкѣ тѣ формы, которыя теперь употребляемъ мы безсознательно, тотчасъ же принесетъ она пользу и практическому употребленію языка, потому-что нѣтъ ничего сообразнѣе съ достоинствомъ существа мыслящаго, какъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаешь, какъ сознавать и *разумѣть* то, что *умѣешь*. Практическая грамматика ставила себѣ цѣлью, чтобы учащійся *умѣлъ* правильно говорить и писать: исторія языка ведетъ къ тому, чтобы не только умѣть употреблять языкъ, но и *разумѣть* смыслъ каждаго слова, каждой грамматической формы. Исторія языка не принимаетъ въ разсчетъ правилъ безъ доказательствъ: она стремится къ уразумѣнію законовъ языка. Оттого многое, что доселѣ признавалось за исключеніе изъ правила, объясняетъ она законнымъ, необходимымъ явленіемъ. Такъ, напримѣръ, *неправильные* глаголы на—*мь*: *есмь*, *дамь* (дамъ), *ямь* (вмѣсто *ядмь*, ѣмъ) перестаютъ быть неправильными, какъ-скоро исторія языка укажетъ, что эти глаголы суть остатокъ древнѣйшаго спряженія, общаго всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ—въ санскритѣ: асмі, дадâмі, адмі; въ литовскомъ: esmi, dûmi, édmi; въ греческомъ: *ἐσμί ἐμμί εἰμί, δίδωμι*: окончаніе—*ми*, *мь* есть указатель 1-го лица, есть

личное мѣстоимѣніе—ми, мѧ, мене. Этотъ указатель 1-го лица доселѣ сохранился въ правильномъ спряженіи глаголовъ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій; такъ въ сербскомъ: *плетем* (плету), *држим* (держу), въ польскомъ: szy*tam* (читаю). Когда же русскій языкъ отдѣлился отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, тогда онъ принялъ окончаніе 1-го лица *у* или *ю*: зову, знаю. Но между этими русскими формами и первобытными индо-европейскими на *ми*, *мь*, занимаетъ средину спряженіе глаголовъ церковно-славянское, или, какъ иные его называютъ, древнеболгарское на *юсъ*: ѫ, ѭ: зовѫ, знаѭ. Такъ-какъ *юсъ* былъ звукъ носовой, то и заключалъ въ себѣ элементъ *м*, слышимый въ окончаніяхъ: дамь, вѣмь. Вотъ какимъ путемъ исторія языка стремится подвести подъ одинъ высшій *законъ* и *правило* и *неправильность* или *исключеніе*. Но этого недостаточно. Объяснивъ генетически происхожденіе и образованіе какой-либо грамматической формы, исторія языка ищетъ въ современномъ употребленіи, въ рѣчи народной, остатковъ древнѣйшихъ формъ, и поиски ея весьма-часто бываютъ не безплодны. Такъ въ настоящее время мы уже не говоримъ и не пишемъ *вѣмь* или *вѣмъ*, употребляя форму *вѣдаю;* однако въ народѣ и до-сихъ-поръ еще не утратилась первобытная индо-европейская форма *вѣмъ*, что видно изъ слѣдующей пословицы: «ѣмъ, а дѣла не *вѣмъ*» (*). Само собою разумѣется, что исторія языка не рекомендуетъ такихъ формъ для всеобщаго употребленія, но пользуется ими при объясненіи законовъ языка—и въ наукѣ получаютъ такимъ-образомъ свое почетное мѣсто народныя реченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и провинціализмы. Читатель вѣрно замѣтилъ, какъ мы, при разсужденіи объ окончаніи втораго лица единственнаго числа изъявительнаго наклоненія настоящаго и будущаго времени индо-европейскихъ глаголовъ, воспользовались новогородскимъ нарѣчіемъ.

Исторія языка, указывая на искаженіе, угасаніе и смѣшеніе древнихъ формъ съ новыми, тѣмъ самымъ ведетъ къ разрушенію современнаго состоянія языка, какъ это видно изъ «дополнительныхъ примѣчаній» въ книгѣ И. И. Срезневскаго (стр. 154—210). То, чего никакъ не могла объяснить практическая грамматика, часто становится весьма-яснымъ, если принять въ соображеніе эти историческіе перевороты языка. Такъ, напримѣръ, руководствуясь однимъ только здравымъ смысломъ, при объясненіи выраженій: *два человѣка*, *четыре человѣка* — практическая грамматика во всякомъ случаѣ скажетъ безсмыслицу, назоветъ ли окончаніе существительнаго «человѣка» родительнымъ падежомъ единственнаго числа, или именительнымъ двойственнаго: въ первомъ случаѣ безсмысленно согласованіе понятія въ двойственномъ или множественномъ числѣ съ понятіемъ въ единственномъ; во второмъ столь же безсмысленно сочетаніе множественнаго понятія *четыре* съ двойственнымъ «человѣка». Исторія языка въ этомъ случаѣ отказывается отъ оправданія выраженія: *четыре человѣка*—законами логики. Въ современномъ языкѣ не все признаетъ она логически правильнымъ и многое объясняетъ какъ искаженіе и порчу первоначальной правильности; она скажетъ, что въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ существительное дѣйствительно въ двойственномъ

(*) И. М. Снегирева «Русскія Народныя Пословицы и Притчи», стр. 470.

числѣ; но когда произошло искаженіе этой формы, тогда, какъ остатокъ старины, пришедшей въ забвеніе, окончаніе двойственнаго числа могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаваться понятію при означеніи и множественнаго числа. Такимъ-образомъ, допуская въ позднѣйшемъ языкѣ безсмыслицу, исторія стремится объяснить ее искаженіемъ древнѣйшей правильной формы. Но какъ искаженіе языковъ начинается еще въ періодѣ доисторическомъ, опредѣленномъ сравнительною грамматикою, то исторія весьма-часто можетъ останавливаться въ своихъ рѣшеніяхъ и, вмѣсто ипотезы, хотя и остроумной, но ни на чемъ не основанной, признаетъ иную грамматическую форму скорѣе за фактъ необъяснимый, нежели возьмется за логическое его объясненіе. Итакъ исторія убѣждаетъ, что *въ языкѣ весьма-много такого, что никакъ нельзя подвести подъ законы логики*. Есть ли, напримѣръ, какой смыслъ въ испорченныхъ формахъ: *теперь, домой, долой?* Не употребляемъ ли мы эти слова, какъ безсмысленные, случайные знаки, для выраженія извѣстныхъ понятій? Между-тѣмъ, какъ исторія языка укажетъ, что сначала, вмѣсто *теперь*, говорили: *то перво*; вмѣсто *домой, долой*—говорили: *доловь, доловь, домови, долови*, то-есть дательный падежъ отъ существительныхъ—домъ, долъ. Признавая нелогичность языка, естественно портившагося съ теченіемъ времени, исторія языка отличаетъ логику мысли отъ логики слова. Мысли совокупляетъ, раздѣляетъ и опредѣляетъ самъ человѣкъ, по своей волѣ: смыслъ языка, разумъ слова—дѣло высшей творческой силы; человѣчество только искажало этотъ высшій даръ; народы, въ историческомъ своемъ движеніи, только портили, забывали, подновляли и вновь забывали первобытныя, совершеннѣйшія формы языка. Исторія языка постоянно имѣетъ въ виду это равнодушное примѣненіе мысли человѣческой къ слову, значеніе котораго болѣе и болѣе забывается, а вслѣдствіе того и самое слово теряетъ свой первоначальный, правильный видъ.

Изъ предъидущаго сама собою явствуетъ польза исторіи языка для его современнаго употребленія. Для того, чтобъ придать свѣжесть выраженію, живость, одушевленіе, надобно изучать древнѣйшія эпохи языка, когда каждое слово, кромѣ общей, отвлеченной мысли, могло еще возбуждать въ душѣ и картинное впечатлѣніе, когда говорящій еще чувствовалъ значеніе корня и окончанія слова, и, увлекаясь геніемъ языка, свободно составлялъ и производилъ слова. Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ воспитывали свои высокія дарованія изученіемъ языка древняго и народнаго.

Такъ-какъ словосочиненіе образуется преимущественно подъ вліяніемъ народнаго мышленія, то исторія синтаксиса, въ противоположность этимологіи, предлагаетъ не разрушеніе старыхъ формъ, а созданіе новыхъ сочетаній, необходимыхъ для развивающейся мысли. Сначала словосочиненіе идетъ дружно съ этимологіею, и образованіе предложенія стоитъ въ зависимости отъ образованія звуковъ и словъ; потомъ, помѣрѣ отдаленія мысли человѣка отъ смысла, въ самомъ словѣ содержащагося, отдѣляется и синтаксисъ отъ этимологіи: значеніе словъ, приставокъ и окончаній забывается, а синтаксисъ ловко и свободно пользуется ими при выраженіи мысли; наконецъ, въ позднѣйшую эпоху, словосочиненіе дотого можетъ отдѣлиться отъ врожденныхъ свойствъ своего собственнаго языка, что уже легко можетъ утратить свою собственную народную жизнь и подчиниться чужому языку, или же отвлеченной логикѣ. Изученіе синтаксиса въ древнѣйшихъ памятникахъ

ведетъ къ утвержденію современнаго слога въ разумѣ, смыслѣ и складѣ, свойственныхъ нашему народу. Въ этомъ отношеніи критика не можетъ не замѣтить значительнаго пробѣла въ книгѣ И. И. Срезневскаго: сравнительно съ этимологіею, авторъ весьма-мало останавливается на синтаксисѣ.

Въ-заключеніе выведемъ краткіе отвѣты на вопросы, вначалѣ предложенные.

Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ современнымъ его состояніемъ, ибо возстановляетъ и объясняетъ тò, чтò теперь употребляется безсознательно.

Потому исторія языка необходима для совершенствованія современнаго слога, какъ итога всего историческаго движенія языка.

Съ успѣхами народнаго мышленія языкъ нетолько не движется впередъ, но даже искажается въ своихъ этимологическихъ формахъ; синтаксисъ же подчиняется отвлеченнымъ категоріямъ логики.

Слѣдовательно, нѣтъ прямаго отношенія между исторіею народа и исторіею его языка.

Объясненіе древнѣйшихъ и существенныхъ формъ попреимуществу ведетъ къ уразумѣнію языка: поэтому теорія современнаго языка и исторія языка стоятъ въ непосредственной связи съ сравнительной грамматикой.

Вообще древнѣйшій періодъ — самый интересный въ исторіи языка и самый полезный какъ въ научномъ, такъ и практическомъ отношеніи. Остатки этого періода наука собираетъ не только въ сравнительной грамматикѣ и въ старинныхъ рукописяхъ, но даже и въ языкѣ современномъ.

Разсмотрѣвъ общія положенія автора объ исторіи языка, обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ, которыми такъ богата его прекрасная книга.

1. О выраженіи представленій и понятій въ словѣ.

На стр. 8, авторъ говоритъ: «Одно и то же слово есть вмѣстѣ названіе и предмета и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими «производимаго въ умѣ, точно такъ же какъ и въ умѣ народа все это «остается неотдѣленнымъ». И далѣе на стр. 9: «представленія, почему-нибудь кажущіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же сло«вомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ пріобрѣтеніемъ «каждаго новаго смысла все болѣе опредѣляется». Вотъ тѣ основанія, на которыхъ разсужденіе объ эпитетахъ, синонимахъ и тропахъ входитъ въ исторію языка.

Доселѣ сохранившіеся въ языкѣ слова и обороты ясно свидѣтельствуютъ, что словомъ человѣкъ первоначально назвалъ не самый предметъ и не понятіе о предметѣ, а то впечатлѣніе, какое предметъ оказалъ на его душу. Особенно видно это изъ словъ, означающихъ вмѣстѣ и предметъ и чувство, на которое предметъ подѣйствовалъ. Такъ понятіе о зрѣніи и свѣтѣ выражается однимъ корнемъ: 1) *зрѣть*; корень *зор* съ приставкою *в* образуетъ понятіе о дѣйствіи чувства: *взоръ*; а *зоръ* въ церковно-славянскомъ значитъ свѣтъ, у насъ — *зоря*; *зракъ* у насъ относится къ глазу, какъ орудію зрѣнія, у Сербовъ *зрак*, *зрака*—солнечный лучъ, 2) *Видѣть*; у Сербовъ отъ этого слова, озна-

чающаго чувство, происходитъ слово, въ смыслѣ предмета, дѣйствующаго на это чувство: *видьло* — свѣтъ. 3) Сюда же можно присовокупить отъ глагола *глядьть* сибирское *глядынъ*; только оно значитъ не свѣтъ, посредствомъ котораго видятъ, или который сильно дѣйствуетъ на зрѣніе, а возвышенное мѣсто, холмъ, гору, съ которой открывается зрѣнію обширное зрѣлище, или которая бываетъ видима издали. Разсматривая языкъ съ этой точки, убѣждаемся, что человѣкъ, какъ-бы потрясаясь въ своихъ чувствахъ впечатлѣніями всей природы, его окружающей, подобно сотрясенному металлу, издаетъ изъ себя членораздѣльные звуки, которыми выражаетъ уже не природу, налагающую на его душу впечатлѣнія, но цѣлый міръ своихъ собственныхъ ощущеній и представленій.

Свойство предмета, ярче другихъ бросающееся въ глаза и сильнѣе затрогивающее чувства и воображеніе, первоначально служило источникомъ названію самого предмета. Потому-то имена существительныя обыкновенно происходятъ отъ глагольныхъ и прилагательныхъ корней. Въ этомъ дѣлѣ языкъ пользуется тою же творческою, художественною силою, посредствомъ которой геніальный поэтъ умѣетъ коснуться предмета съ той стороны, съ которой во всей яркости рисуется онъ передъ нами; и то, что эпическій поэтъ производитъ помощію постояннаго эпитета, языкъ совершаетъ самымъ названіемъ предмета, ибо *первоначально художественный, постоянный эпитетъ даетъ названіе предмету*. Знакомые съ языкомъ санскритскимъ могутъ припомнить себѣ сотни эпитетовъ, употребляющихся въ значеніи предметовъ.

Такъ-какъ словомъ означалось впечатлѣніе, производимое на душу предметомъ, а не понятіе о предметѣ, то при образованіи словъ могло быть два пути: или одинъ и тотъ же предметъ, различными своими качествами производя различныя на душу впечатлѣнія, получалъ и различныя наименованія, или одно и то же впечатлѣніе могло быть произведено предметами, хотя и различными по своей сущности, но одинаково подѣйствовавшими на воображеніе. Въ первомъ случаѣ одинъ и тотъ же предметъ получалъ нѣсколько названій; во второмъ одно и то же названіе распространялось на нѣсколько предметовъ. Слова перваго разряда теперь называемъ мы *синонимами*, втораго разряда—*тропами*. Отсюда слѣдуетъ, что первоначально въ языкѣ не было ни синонимовъ, ни троповъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣемъ ихъ нынѣ. Настоящихъ синонимовъ быть не могло, потому что каждое названіе, рисуя живое впечатлѣніе, имѣло свой собственный смыслъ, опредѣлявшійся его корнемъ; оттого хотя и многими названіями могъ именоваться предметъ, однако они не смѣшивались одно съ другимъ, и каждое имѣло свое собственное значеніе, каждое живописало какое-либо одно изъ отличительныхъ свойствъ предмета; слѣдственно, многія названія одного предмета были какъ-бы различными эпитетами, какими эпическій поэтъ украшаетъ предметъ. Точно такъ же не могло быть и троповъ въ ихъ настоящемъ значеніи. Тропъ предполагаетъ перенесеніе слова отъ его собственнаго значенія къ несобственному. Собственное значеніе слова опредѣляемъ мы теперь тѣмъ предметомъ или понятіемъ, которые попреимуществу выражаются словомъ. Но первоначально слово означало впечатлѣніе, произведенное предметомъ; а впечатлѣнія и отъ различныхъ предметовъ могутъ сходствовать;

напримѣръ, можно въ одинаковой степени испугаться, либо обрадоваться отъ случаевъ совершенно-различныхъ, и при различныхъ причинахъ испуга или радости можетъ быть выраженіе этихъ чувствъ совершенно-одинаково. Такъ и въ языкѣ могутъ быть названы одними и тѣми же именами предметы совершенно-различные, потому только, что дѣйствіе ихъ на душу было одинаково, или по-крайней-мѣрѣ сходно. Слѣдственно, въ этомъ случаѣ слово не будетъ переноситься отъ одного предмета къ другому, но постоянно и въ собственномъ значеніи будетъ выражать извѣстное впечатлѣніе, какое осталось въ душѣ нашей при созерцаніи предметовъ, безъ всякаго вниманія къ тому, будутъ ли они сходны или различны. Такъ быстрота и рѣзкость, медленность, твердость, или мягкость впечатлѣнія давали названіе предмету: и яркій свѣтъ, точно такъ же какъ и рѣзкій звукъ, производя на душу одинаковое впечатлѣніе, могли называться однимъ и тѣмъ же словомъ. Что свѣтъ оказываетъ на душу впечатлѣніе быстроты и производитъ быстрое сотрясеніе, это всего яснѣе видно въ сербскомъ словѣ *бистар*, которое значитъ limpidus, а не только скорый и стремительный, какъ у насъ; а такъ-какъ свѣтъ человѣку пріятенъ и милъ (оттого ласкательное выраженіе: *мой свѣтикъ, мой свѣтъ)*, и такъ-какъ *красный* значитъ и цвѣтъ и красоту *(красное солнце)*, то и *быстрый* въ чешскомъ нарѣчіи получаетъ смыслъ красиваго, elegans. И наоборотъ, *ясный* у насъ относится только къ свѣту; въ лужицкомъ же нарѣчіи *есно* значитъ быстро, *есносць* — быстрота. Впрочемъ и у насъ въ выраженіи: *ясный соколъ*—сохранился еще въ нѣкоторой степени первоначальный смыслъ быстроты въ словѣ *ясный*. Въ санскритѣ родственное съ нашимъ слово употребляется также въ значеніи быстроты: âсу (съ нёбнымъ *с*)—быстро, откуда, какъ у насъ *а* переходитъ въ *я* (агнецъ—ягненокъ), такъ и въ санскритѣ *ясас* (въ первомъ случаѣ также нёбное *с*)—уже въ значеніи блеска; въ кельтскомъ *iesin* то же значитъ, что наше *ясный*.

Въ санскритѣ все матеріальное или лексическое богатство состоитъ въ синонимахъ и метафорахъ, хотя и тѣ и другія обозначаются въ словаряхъ какъ собственныя названія предметовъ.

Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени начальное впечатлѣніе, словомъ выражаемое, забывается, и говорящій, вмѣсто живаго представленія, чувствуетъ въ словѣ только названіе предмета. Какъ-скоро предметъ заслоняетъ въ языкѣ производимыя имъ впечатлѣнія, тотчасъ же выступаетъ необходимость обозначать словомъ понятіе о предметѣ. Здѣсь собственно разрывъ между языкомъ и понятіемъ говорящаго. Съ развитіемъ понятій человѣкъ, уже не сознавая ясно корня слова, и потому не примѣняя своей мысли къ основному его значенію, сталъ давать слову свое собственное значеніе, соотвѣтственное степени его умственнаго образованія. Въ такую эпоху своего развитія, языкъ можетъ пользоваться безразлично, какъ своими, такъ и чужеземными словами, ибо чужеземныя слова тѣмъ отличаются отъ своихъ, что при названіи предмета не выражаютъ уже того впечатлѣнія, которое лежитъ въ основѣ названія, и знаменуютъ только отвлеченное понятіе о предметѣ — точно такъ же, какъ и реченія роднаго языка, когда народъ забываетъ уже первобытное ихъ значеніе. Народъ, достигшій нѣкоторой степени умственнаго развитія, видитъ въ своемъ языкѣ только понятія, потому и изъ чужихъ языковъ заимствуетъ не

впечатлѣнія, а понятія же; оттого преимущественно берутся у другихъ народовъ не прилагательныя или глаголы, какъ части рѣчи означающія собственно впечатлѣніе, а имена существительныя, въ которыхъ представленіе возведено уже до понятія.

Здѣсь мѣсто объяснить нѣкоторыми подробностями вышепредложенное общее замѣчаніе о практическомъ примѣненіи исторіи языка. Различные языки сходствуютъ другъ съ другомъ *по понятіямъ*, словами выражаемымъ, различествуютъ же *по впечатлѣніямъ*, отъ которыхъ первоначально происходятъ названія предметовъ. Слѣдовательно, чтобъ изучить вполнѣ чужой языкъ, надобно перенести свое воображеніе въ область воззрѣній того языка; или чтобъ перевести какую-либо рѣчь съ чужаго языка на свой, надобно изъ частныхъ воззрѣній и представленій чужаго языка извлечь общія понятія и передать ихъ въ духѣ воззрѣній и представленій своего собственнаго. Къ уразумѣнію же отличительныхъ, характеристическихъ свойствъ языка ведетъ историческое изученіе образованія словъ, а, въ связи съ ними, представленій и понятій народа.

Здѣсь исторія языка соединяется съ исторіею слога, и авторъ весьма-основательно замѣчаетъ, на стр. 101, что исторія языка «не можетъ «довольствоваться тѣснымъ кругомъ грамматики и лексикографіи; она «должна обращать вниманіе на измѣненія языка письменнаго подъ за«висимостію слога народнаго: на постепенное усиленіе требованій на«роднаго вкуса, *народной реторики и піитики, требованій несравненно бо«лѣе законныхъ и понятныхъ, чѣмъ всѣ требованія реторикъ и піитикъ, «вымышленныхъ книжниками»*. Начала такой народной реторики, какъ мы видѣли, заключаются въ сравнительно-историческомъ изученіи языка: только этимъ путемъ наука съ большею основательностью можетъ рѣшить вопросъ о языкѣ украшенномъ.

2. *Изученіе исторіи языка въ связи съ преданіями, обычаями, убѣжденіями и вѣрованіями народа.*

На стр. 20-ой авторъ говоритъ: «Первыя страницы нашей исторіи «остаются ненаписанными. Онѣ и останутся бѣлыми до-тѣхъ-поръ, «пока не пріиметъ въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ на«писать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, «пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; «безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо «многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его пра«вовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народа«ми — тѣми самыми словами, которыми выражалъ ее самъ народъ — «передастъ тѣмъ вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ глубже проникнетъ въ «смыслъ языка, въ его соотношеніи съ народной жизнію, и проник«нетъ тѣмъ глубже, чѣмъ большими средствами будетъ пользоваться «при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ.»

Само собою разумѣется, что понятія народныя, преданія и обычаи, извлекаемые изъ формъ языка, относятся къ древнѣйшему періоду, когда слово понималось въ своемъ существенномъ, коренномъ значеніи. Когда же народъ сталъ употреблять языкъ болѣе-безсознательно, какъ знакъ для передачи мысли, тогда слово перестало уже непосред-

ственно выражать жизнь народа. Открывая въ языкѣ понятія народа, можемъ заключить только, что эти понятія *были нѣкогда* въ жизни народа, и, какъ допотопная окаменѣлость, остатокъ нѣкогда угасшаго организма, могли остаться въ языкѣ до настоящаго времени, только не въ первобытномъ своемъ значеніи. Исторія языка собираетъ для себя факты, какъ въ древнихъ рукописяхъ, такъ и въ современномъ языкѣ, по всѣмъ его областнымъ нарѣчіямъ; открываетъ собственное значеніе словъ, которыя съ теченіемъ времени утратили его, и такимъ-образомъ, по языку, возсоздаетъ первоначальныя преданія и обычаи народа. Отсюда видно, что исторія языка не можетъ имѣть притязанія вмѣшиваться въ историческое развитіе народа, соображать съ своими фактами успѣхи политическихъ, религіозныхъ и умственныхъ его переворотовъ: ея дѣло только опредѣлить, что такое-то слово въ своемъ собственномъ значеніи можетъ соотвѣтствовать такому-то воззрѣнію на міръ и человѣка. Отсюда выводятся слѣдующія весьма-важныя для науки положенія:

Если исторія языка по нѣкоторымъ основательнымъ соображеніямъ находитъ въ языкѣ остатки язычества, то отсюда не слѣдуетъ, чтобъ они сохранились и въ сознаніи народа, ибо, съ паденіемъ первоначальнаго язычества, слова, выражавшія его, могли потерять свое древнее значеніе и могли, какъ простые знаки, примѣниться къ другимъ, новымъ понятіямъ. Такъ Яковъ Гриммъ по древнѣйшимъ остаткамъ языка нѣмецкихъ племенъ, уже христіанъ, возстановилъ нѣмецкую миѳологію. Изъ этого превосходнаго труда никто, сколько бы ограниченъ ни былъ, не выведетъ, что нѣмцы и доселѣ еще удержали языческіе обряды, но узнаетъ, какъ богатъ нѣмецкій языкъ, сохранившій въ себѣ воспоминаніе, хотя и темное, объ отдаленныхъ вѣкахъ.

Если исторія языка будетъ объяснять по словамъ и выраженіямъ значенія юридическаго тѣ понятія, какія народъ, въ періодъ образованія языка, могъ имѣть о жизни семейной и общественной, то изъ этого не слѣдуетъ, что явленія русской жизни, общественной и семейной, въ XII или XIII вѣкѣ можно объяснить результатами исторіи языка. Чтобъ объяснить это обстоятельство, возьмемъ частный случай. Нѣкоторые русскіе историки приписываютъ особенную важность такъ-называемому родовому быту въ нашей исторіи; другіе, напротивъ, стараются всѣ явленія древней юридической жизни объяснить мимо родоваго быта. Исторія языка нашего приведетъ множество несомнѣнныхъ данныхъ, по которымъ очевидно становится участіе семейной жизни въ образованіи понятій о жизни общественной и государственной; но что же отсюда выведетъ безпристрастный изслѣдователь? Ничего болѣе, кромѣ твердаго убѣжденія, что нашъ языкъ сохранилъ въ себѣ много свѣжести первобытныхъ свойствъ индо-европейскаго поколѣнія. Исторія языка можетъ объяснить первоначальный смыслъ юридическаго термина, но никакъ не поручится, чтобъ этотъ терминъ постоянно оставался въ своемъ собственномъ значеніи при дальнѣйшемъ развитіи гражданскихъ постановленій.

Такимъ-образомъ, между фактами изъ исторіи языка и изъ исторіи народа постоянною преградой оказывается безсознательное, равнодушное употребленіе языка, какъ пустаго знака для выраженія мысли.

Впрочемъ исторія языка признаётъ важность одного обстоятельства, сильно ограничивающаго это положеніе. Врожденное сочувствіе къ

родному слову, хотя и ослабленное вѣками и письменностью, доселѣ живо и сильно дѣйствуетъ въ устахъ простаго народа. Прекрасно объясняетъ авторъ образованіе словъ въ устахъ народа даже и въ эпоху позднѣйшую: «Воображеніе народа творитъ ихъ внезапно, безотчетно, «и между тѣмъ нерѣдко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, «что, несмотря на свое какъ-будто случайное появленіе, они остаются «въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами не«обходимыми». И далѣе: «Надобно допустить возможность, что одно и «то же такое слово, въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, «можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ, «совершенно независимо, и съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ звучно«сти, который требуется характеромъ мѣстнаго выговора» (стр. 89 и 90). Такова могущественная сила роднаго языка въ человѣкѣ, еще неутратившемъ нѣкотораго, хотя и темнаго, къ нему сочувствія. Эти проблески генія языка и служатъ для насъ вѣрнымъ ручательствомъ, что и встарину съ такимъ же воодушевленіемъ были произнесены тѣ многозначительныя реченія, которыхъ смыслъ, утраченный въ народѣ, наука стремится возстановить. Исторія языка, между прочимъ, имѣетъ цѣлію воспроизводить и питать въ насъ это сочувствіе къ родному слову.

Авторъ, въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ (стр. 129 — 154), разбираетъ нѣсколько словъ древнѣйшей формаціи, для объясненія старинныхъ преданій и понятій. При этомъ онъ имѣлъ въ виду доказать, что многія слова, которыя были производимы изъ другихъ языковъ, и преимущественно изъ скандинавскаго, суть слова чисто-русскія, славянскаго происхожденія. Авторъ съ свойственною ему осмотрительностью отклоняетъ отъ себя вопросъ собственно-историческій и ограничивается только лингвистикою: «Какъ необходимое «предупрежденіе», говоритъ онъ, «считаю долгомъ сказать, что я не «думаю ни мало оспоривать присутствіе скандинавскаго элемента въ «нашихъ Варягахъ; а только не вижу никакой возможности считать «въ числѣ скандинавскихъ большую часть тѣхъ словъ, которыми до«казываютъ скандинавское вліяніе на языкъ русскій» (стр. 131). Дѣйствительно, сближеніе русскихъ словъ съ скандинавскими было сдѣлано на такомъ случайномъ, внѣшнемъ созвучіи, при такомъ полномъ отсутствіи критики и лингвистическихъ соображеній, что большая часть этихъ сближеній рушится при одномъ прикосновеніи къ нимъ положительныхъ законовъ сравнительно-исторической грамматики. Еще г. Шевыревъ, въ своихъ лекціяхъ объ исторіи русской словесности, отличаетъ сродство племенное, то-есть слова и формы, общія всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, отъ историческаго вліянія одного языка на другой. И. И. Срезневскій отвергаетъ всякое заимствованіе у Скандинавовъ, какъ-скоро находитъ русское слово, производимое изъ скандинавскаго, въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ другихъ языкахъ индо-европейскихъ. Въ выводахъ же своихъ онъ руководствуется не пустымъ созвучіемъ, ничего недоказывающимъ, но существенными свойствами звуковъ и измѣненіемъ ихъ, сообразнымъ съ организмомъ каждаго изъ языковъ индо-европейскихъ. Не будемъ останавливаться на опроверженіяхъ страннаго мнѣнія, будто даже слова: *думать*, *гость*, *оружіе*, даже *городъ* и *люди* суть слова, заимствованныя изъ скандинавскаго, и ограничимся нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

При объясненіи слова *князь*, намъ кажется, авторъ забылъ или съ намѣреніемъ прошелъ молчаніемъ санскритскую форму, родственную съ нашимъ *князь* и съ нѣмецкими *kuning, konûngr, kona, quino* — именно санскритское *джан* (рождать). Санскритскому *дж* соотвѣтствуетъ нѣмецкое *k*, у Славянъ обыкновенно *ж*: сличите санскритское *джîв*, готское *qius* и наше *живъ*, готское *qaírnus* и наше *жерновъ*. Такимъ-образомъ санскритскія: *джанî*, *джанака* (собственно — рождающій) и славянскія: *жена, женихъ*, будутъ соотвѣтствовать нѣмецкимъ: *kona, konûngr, kuning*. Наши слова: *князь, чадо, челядь*, сведенныя И. И. Срезневскимъ къ одному корню, служатъ доказательствомъ, что и у насъ, какъ у нѣмцевъ, санскритское *дж* можетъ переходить въ *к*, и санскритское *джан* является не только въ корнѣ *жен* (жена), но и *кон* (кон-ецъ), *чин* (чинити), *чьну* (на-чну, на-чѧти). Сближеніе слова *князь* съ корнемъ *джан*, откуда слова *жена, женихъ* — по нашему мнѣнію, въ большемъ свѣтѣ выставитъ приводимые нашимъ авторомъ факты и окончательно объяснитъ, почему у Славянъ *князем* и *княгинею* называются молодые мужъ и жена, *княжкомъ* первородный сынъ, *кнpaïнькою* малютка.

При словѣ *навь, навье* (мертвецъ) должны мы замѣтить, что авторъ сближаетъ два корня, во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ строго отличаемые другъ отъ друга, а именно: *навь*, въ значеніи мертвеца, производитъ отъ *нава*—ладья, корабль, ссылаясь при этомъ на древній русскій обрядъ сожиганія мертвецовъ въ лодкѣ. Можетъ-быть, авторъ имѣетъ достаточныя основанія такому сближенію, но не всѣ могутъ съ нимъ согласиться до-тѣхъ-поръ, пока онъ не предложитъ рѣшительнаго опроверженія общепринятаго мнѣнія, отдѣляющаго наше *навье*, санскритскій корень *нас* (съ нёбнымъ *с*) въ значеніи умирать, откуда латинское nex, греческое νέκυς, готское naus (мертвый), родит. падежъ navis и проч., отъ словъ инаго происхожденія: санскритское *нау* (корабль), латинское navis, греческое ναῦς.

Къ объясненію словъ *обель, обельный*, мы почитаемъ необходимымъ прибавить литовское *abelnay*, которое тѣмъ необходимѣе было автору, что употребляется въ томъ самомъ значеніи, какое онъ приписываетъ нашему древнему *обельный*, то-есть совершенный, полный.

Въ объясненіи слова *нети* мы не понимаемъ, почему авторъ сближаетъ съ нимъ слово *невѣста*. Эти слова могутъ имѣть общаго между собою развѣ только приставку *не*.

Остроумнѣе и ловчѣе всѣхъ словъ, по нашему мнѣнію, истолковано древнее *вервь*, съ осмотрительной критикою проведенное по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и по аналогіи сближенное съ другими словами, въ которыхъ, такъ же какъ въ верви, замѣчается переходъ понятій отъ жизни семейной къ общественной. Критика не можетъ также не одобрить счастливой попытки объяснить нашу загадочную *виру* славянскимъ происхожденіемъ, только ожидаетъ болѣе подробнаго изслѣдованія.

3. Вліяніе христіанства на славянскій языкъ. Церковно-славянскія рукописи.

Авторъ придерживается того мнѣнія, что славянскій языкъ еще до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. На стр. 37

онъ говоритъ: «Вѣроятно, не слишкомъ долго спустя послѣ Готѳовъ, «и Славяне стали пытаться передавать на своемъ языкѣ мѣста изъ «книгъ Св. Писанія и молитвы. Славяне югозападные могли начать «эти попытки въ VI—VII вѣкахъ, Славяне сѣверозападные и восточ-«ные въ IX». Исторія языка касается этихъ въ высшей степени важныхъ предметовъ только со стороны лингвистической; пособіями себѣ беретъ она древнѣйшія рукописи славянскаго перевода св. книгъ, а также и старинные переводы на другіе языки, которые могли быть въ историческихъ связяхъ съ славянскимъ въ отдаленные средніе вѣка; и при помощи этихъ, чисто-лингвистическихъ только средствъ не можетъ не признать той истины, что славянскій языкъ уже въ-продолженіе цѣлыхъ вѣковъ готовился быть орудіемъ того великаго дѣла, которое окончательно совершено было нашими благочестивыми переводчиками. Одинъ этотъ періодъ можетъ составить обширнѣйшій и интереснѣйшій отдѣлъ въ исторіи языка. Матеріалами для него будутъ не только переводы св. писанія и богослужебныхъ книгъ, но и вообще сочиненій богословскаго, нравоучительнаго и историческаго содержанія. Для этого дѣла еще такъ мало собрано данныхъ, что всякій трудолюбивый ученый, тщательно извлекши изъ какой бы то ни было древнѣйшей рукописи любопытныя грамматическія формы и слова, можетъ принести наукѣ несомнѣнную пользу. Разработка произведеній Іоанна, экзарха болгарскаго, Калайдовичемъ, изданіе «Остромирова Евангелія» Востоковымъ и нѣкоторыя монографіи Шафарика, Копитара, Миклошича — могутъ служить образцами для подобныхъ трудовъ. Изданіе «Святославова Сборника», предпринятое О. М. Бодянскимъ, безъ-сомнѣнія обогатитъ значительными фактами древнѣйшій періодъ исторіи нашего языка. Въ высшей степени важное для науки предпріятіе — сличеніе варіантовъ перевода св. писанія по древнѣйшимъ рукописямъ, ввѣренное знатокамъ и ревностнымъ любителямъ древностей, также успѣшно приводится въ исполненіе. Между-тѣмъ богатыя собранія рукописей неутомимо описываются нашими библіоманами: недавно г. Строевъ еще подарилъ нашу литературу дѣльнымъ описаніемъ рукописей библіотеки Царскаго; прекрасное собраніе г. Погодина также успѣшно описывается. Какая же ближайшая цѣль всѣхъ этихъ многочисленныхъ трудовъ, какъ не приведеніе въ извѣстность богатыхъ матеріаловъ для исторіи языка вообще, и въ-особенности для того ея отдѣла, который объемлетъ вопросы о вліяніи христіанства на славянскій языкъ — ибо наша старинная литература по преимуществу религіознаго содержанія? Такимъ-образомъ и самое богатство матеріаловъ призываетъ изслѣдователя къ разработкѣ преимущественно древнѣйшаго періода нашего языка.

Вѣрность и положительность наблюденій надъ составомъ языка по рукописнымъ переводамъ св. книгъ зависятъ оттого, что изслѣдователь каждую славянскую форму можетъ свѣрить съ подлинникомъ и опредѣлить ея значеніе по греческому тексту. Какъ-скоро грамматическая форма славянская отклоняется отъ греческой, изслѣдователь отмѣчаетъ ее, какъ характеристическую особенность языка славянскаго. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ «Остромирова Евангелія». Вмѣсто греческихъ прилагательныхъ, по-славянски нарѣчія: *беспечали* ἀμερίμνους, *беспорока* ἄμεμπτοι, и, наоборотъ, вмѣсто греческаго нарѣчія, славянское прилагательное: *ниць*, множ. число *ници* ἐπὶ πρόσωπον; вмѣсто греческаго глагола, по-славянски глаголъ съ нарѣчіемъ: *възаимъ даяти*

δανείζω, χράω; *въкоупѣ съдъшемъ* συγκαθισάντων; *ити въ слѣдъ* ἀκολουθεῖν; *протешетъ и полъма* διχοτομήσει αὐτόν. Изучая такимъ-образомъ языкъ славянскій, какъ-бы чувствуешь, какъ онъ слагался въ нѣкоторыя формы при самомъ переводѣ св. книгъ.

Сближеніе славянскихъ формъ съ формами другихъ языковъ въ средневѣковыхъ переводахъ св. писанія и вообще въ древнѣйшихъ памятникахъ, получаетъ еще большій интересъ для изслѣдователя. Въ примѣръ приведу одну догадку, какъ изъ древне-славянской формы, встрѣчающейся въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ, можно объяснить одно весьма-интересное явленіе въ исторіи нѣмецкихъ нарѣчій, доселѣ необъяснимое, по мнѣнію нѣмцевъ. А именно, въ одномъ и томъ же словѣ совпаденіе значеній звѣзды и языка, свѣтить и гудѣть, играть на инструментѣ, говорить. Въ древнемъ нѣмецкомъ стихотвореніи, изображающемъ страшный судъ и извѣстномъ подъ именемъ Muspilli, IX вѣка, читаемъ: fona himilzungalon—отъ звѣздъ, отъ небесныхъ звѣздъ, съ неба, но собственно, слово-въ-слово: «отъ небесныхъ языковъ». Въ древне-нѣмецкомъ переводѣ Библіи IX, а можетъ-быть и VIII вѣка, по Граффу (Diutiska I, 526) находимъ также: siderum himilzungono. Въ древне-саксонскомъ произведеніи «Heliand» IX вѣка въ томъ же значеніи употребляется himiltungal; наконецъ, даже у самого Ульфилы, въ готскомъ переводѣ Библіи, tuggl (zungal) значитъ звѣзда; а въ скандинавскомъ языкѣ то же слово tûngl употребляется въ значеніи мѣсяца. Едва-ли можно вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Якова Гримма, изложеннымъ въ его «Нѣмецкой Миѳологіи», на стр. 663, что внѣшняя форма языка послужила поводомъ перенести это слово къ значенію свѣтила. Сродства впечатлѣній, производимыхъ свѣтилакми, съ языкомъ, какъ органомъ звуковъ, должно искать, мнѣ кажется, гораздо-глубже; оно теряется въ доисторической древности, такъ-что вышеприведенныя эпическія формы—вѣроятно только остатки того первобытнаго представленія, въ которомъ неразрывно могли сочетаться впечатлѣнія, производимыя какъ звукомъ, такъ и свѣтомъ предмета. На эту мысль наводитъ меня одно древне-саксонское прилагательное въ упомянутой выше поэмѣ IX вѣка «Heliand», а именно: suigli—ясный, свѣтлый, какъ эпитетъ солнцу, свѣту. Это слово еще у Ульфилы употребляется въ формѣ sviknѕ, только въ значеніи нравственномъ, въ смыслѣ свѣта и чистоты душевной, именно: невинный. Но рядомъ съ этимъ словомъ у Ульфилы есть глаголъ sviglon, проливающій свѣтъ какъ на первоначальное впечатлѣніе, древне-саксонскимъ прилагательнымъ выражаемое, такъ и на естественность перенесенія слова «языкъ» къ значенію свѣтила. Тогда-какъ древне-саксонское прилагательное suigli въ IX вѣкѣ является эпитетомъ свѣту и солнцу, въ значеніи яркаго, свѣтлаго, Ульфила еще въ IV вѣкѣ употребляетъ глаголъ sviglon въ смыслѣ «звучать, гудѣть, играть на инструментѣ», αὐλεῖν. Здѣсь слѣдуетъ привести англосаксонскую форму svëgel—небо, и, что весьма-важно, именно только въ сложномъ svëgel-horn tuba coelestis, небесная труба, такъ-что въ этомъ словѣ какъ-бы доносится до насъ изъ глубокой старины тотъ живой образъ, въ которомъ сочетались впечатлѣнія отъ свѣта и трубнаго звука. Теперь обратимся къ славянскому языку. Слово *звѣзда*, съ долгимъ *ѣ*, образовавшимся гуною изъ *і*, предполагаетъ при себѣ первоначальную форму *звизда, звизд*, что и находимъ дѣйствительно въ церковно-славянскихъ рукописяхъ въ словахъ: *звиздати, зазвиздати, позвиздати*, только ужь

въ значеніи не свѣта, а звука, гудьбы, музыки, свиста: συρίζειν. Наше и церковно-славянское *з*, въ чешскомъ нарѣчіи, какъ и въ другихъ западныхъ, переходитъ въ *г*; потому наше *звѣзда* почешски— *hwězda*, а *звиздати*—*hwjzdati*, въ томъ же значеніи звука. Чтобы еще болѣе убѣдить читателя въ томъ, что впечатлѣнія отъ звука и свѣта часто совпадаютъ въ одномъ словѣ, приведу весьма-важное въ этомъ отношеніи выраженіе изъ «Домостроя», русскаго произведенія временъ Іоанна Грознаго: «губами не сверкати», то-есть не шевелить, не чмокать. Такое перенесеніе понятій лежитъ въ свойствахъ всѣхъ языковъ индо-европейскихъ. Вотъ примѣръ, изъ котораго видно, что одно и то же слово употребляется то въ значеніи свѣта, то въ значеніи звука, говора: санскритское *бâ* (какъ-бы *бгâ*, съ придыхательнымъ *б*, которому соотвѣтствуютъ у насъ *б*, въ греческомъ и латинскомъ *ф*)—значитъ свѣтить, блистать, у насъ *баять*—говорить, въ греческомъ и φάω, φαίνω, и φημί, въ латинскомъ fari.

Сличеніе варіантовъ рукописныхъ переводовъ съ греческаго на славянскій наводитъ на соображенія, весьма-важныя для исторіи языка. Для примѣра покажу, какъ можно варіантомъ восполнить недостатокъ словаря. Въ новомъ церковно-славянскомъ словарѣ Миклошича (Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti, 1850 года) находимъ только формы второстепенныя въ слѣдующихъ словахъ: кръчие, кръчь: то и другое Миклошичъ переводитъ: χαλκός, aes, то-есть мѣдь, металлъ. Спрашивается: окончательный согласный звукъ *ч* принадлежитъ ли къ корню, или же составляетъ образующее окончаніе? По аналогіи мы знаемъ, что окончаніе *чіи*, *чія* принадлежитъ названію лица дѣйствующаго, и притомъ присовокупляется къ корнямъ глагольнымъ; напримѣръ, «иконожегъчия»—сожигающій иконы, «клепьчии» отъ глагола клепати, «мѣрьчии» отъ глагола мѣрити, «письчии» отъ глагола писати, то-есть, писецъ, «плѣньчия» отъ глагола плѣнити, то-есть грабитель, плѣнитель, «поливьчия» отъ глагола поливати, «чръпьчии» отъ глагола чръпати, черпати, и проч. Согласно съ этими формами, можемъ предположить отъ древнѣйшаго, утратившагося глагольнаго корня *кръ*, *кри* съ отглагольнымъ окончаніемъ *чии* или *чій* — слово *кръчии* или *кръчій*: это слово должно уже имѣть значеніе не мѣди, не металла, а лица дѣйствующаго, ковача (отъ *ковъ*), кузнеца; такого слова въ лексиконѣ Миклошича не находимъ, а оно дѣйствительно было. Въ рукописныхъ книгахъ пророковъ съ толкованіями, XV вѣка, списанныхъ, по мнѣнію ученыхъ, съ рукописи 1047 года, попа *Упира Лихаго*, и находящихся въ библіотекѣ Духовной Академіи при Троицкой Лаврѣ, читаемъ: «*кръчи*ковъ и кладивомъ» Ис. 41, 7. Вмѣсто *кръчи*, въ печатномъ изданіи, какъ въ острожскомъ, такъ и въ нынѣшнемъ, находимъ: *ковачь*. По грамматическому образованію, слово *кръчии* мы должны признать ближайшимъ къ глагольному корню *кръ*, *кр*. У Миклошича же замѣчены только вторичныя формы, каковы: кръчимъ, кръчагъ, кръчага (нынѣшнее: корчага).

Слово *кръчій*, по нашему мнѣнію, значитъ: біющій, поражающій молотомъ. Корень *кр*, какъ въ санскритѣ находимъ въ значеніи: *разить*, *бить*, *дѣлать*, такъ и у насъ. Отглагольныя формы, черезъ причастіе, образуются звуками *т*, *н*: отъ корня *кр*, съ суффиксомъ причастнымъ *т*, происходитъ: у насъ *крата* (разъ, ударъ), въ санскритѣ: *крта* (factus) и *крт* (faciens); съ суффиксомъ *н* отглагольное прилагательное

крънъ (откуда крънось, курносъ), и потомъ глаголъ: кор*нать*, окор*нать*, то-есть, обрѣзать, обить.

Тождество нашего *кр* съ санскритскимъ подкрѣпляется производными формами: какъ у насъ *крата* (одно*кратно*, двое*кратно*) значитъ *разъ, ударъ*, такъ и въ санскритѣ тоже значитъ *крт*, которое, съ указательнымъ мѣстоименіемъ *са*, образуетъ слово: *сакрт*, что значитъ однажды, сей разъ, этотъ разъ, одинъ разъ, ибо мѣстоименіе указательное соединяетъ съ указаніемъ понятіе о единичности; на этомъ основывается, между-прочимъ, переходъ числительнаго одинъ, unus, ein, въ членъ, въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и другихъ. Но вотъ что особенно-любопытно, какъ логично раздѣлились значенія этого слова между санскритомъ и церковно-славянскимъ языкомъ. Тогда-какъ въ санскритѣ *сакрт* значитъ однажды, *одинъ разъ*, и *са* имѣетъ значеніе попреимуществу единичности, въ церковно-славянскомъ *секратъ* значитъ теперь, то-есть, *сей разъ*, съ удержаніемъ смысла указательнаго мѣстоименія.

Для того, чтобъ дать болѣе-полное понятіе о значеніи нарѣчій времени, почитаемъ нелишнимъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Понятіе о настоящемъ времени языкъ любитъ распространять до понятія о вѣчномъ, всегдашнемъ; иными словами: реченіямъ, имѣющимъ первоначально смыслъ «теперь, нынѣ», языкъ даетъ значеніе «всегда». Такъ церковно-славянское *присно, присьно* (вѣчно, всегда) происходитъ отъ прилагательнаго *присьнъ*, которое значитъ: настоящій, теперешній, ближайшій, и потомъ уже родственный. Такимъ же переходомъ понятій объясняется нарѣчіе *выну* (собственно *вънну*, на концѣ съ юсомъ, какъ писалось встарину). Востоковъ производитъ это слово отъ *инъ* (одинъ; сличи: инорогъ и единорогъ, инокъ и единокъ, тоже въ значеніи монаха) съ предлогомъ *въ*; слѣдовательно, подобно санскритскому *сакрт* и нашему *секратъ*, нарѣчіе *вънну* могло соединять въ себѣ понятіе о единичности съ указаніемъ; но въ употребленіи *выну* перешло въ значеніе *всегда*, *вѣчно*. Наконецъ эта связь понятій еще яснѣе выступаетъ въ санскритскомъ *сада* (всегда) и въ сербскомъ *сада*, *сад* (теперь): оба эти слова, какъ санскритское, такъ и сербское, образуются помощью указательнаго мѣстоименія, имѣющаго корнемъ звукъ *с*: у Сербовъ указаніемъ обозначается настоящее время, въ санскритѣ указаніе на настоящее распространяется до понятія о всегдашнемъ. Намъ кажется, что съ этимъ любопытнымъ явленіемъ въ языкахъ индо-европейскихъ можно поставить въ связи свойство славянскихъ глаголовъ одними и тѣми же окончаніями выражать какъ настоящее время, такъ и будущее.

Изъ предложенныхъ примѣровъ читатель можетъ усмотрѣть, какъ важенъ для историческихъ изслѣдованій языкъ церковно-славянскихъ рукописей. Разработка его, по нашему мнѣнію, должна быть положена въ основу исторіи русскаго языка. Помѣрѣ успѣховъ въ грамматическихъ и лексическихъ открытіяхъ, будетъ объясняться и вопросъ о вліяніи христіанства на славянскій языкъ.

4. *Нынѣшній народный языкъ.*

Народный языкъ по всѣмъ его областнымъ нарѣчіямъ, менѣе письменнаго подвергшійся позднѣйшимъ измѣненіямъ, является обильнымъ

источникомъ объясненію многихъ древнѣйшихъ свойствъ языка нашего. Вотъ почему авторъ постоянно обращается къ народнымъ реченіямъ, и въ концѣ своей книги обѣщаетъ даже отдѣльное сочиненіе о нарѣчіяхъ русскихъ. Изъ отчета Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ извѣстно, что это Отдѣленіе готовитъ къ изданію словарь областныхъ словъ, или провинціализмовъ. Для исторіи языка весьма-важно изученіе его по областнымъ нарѣчіямъ, потому-что многія древнія особенности языка русскаго, утратившіяся въ письменности, или и вовсе никогда въ нее невходившія, доселѣ живутъ разбросанныя по отдаленнымъ странамъ Россіи. Исторія языка не имѣетъ въ виду внесенія областныхъ выраженій въ русскую литературу: она только пользуется ими для объясненія основныхъ свойствъ языка русскаго, какъ древнѣйшаго, такъ и современнаго. Потому она обращаетъ вниманіе преимущественно на такія областныя реченія, въ которыхъ замѣчаетъ остатокъ древнѣйшаго организма. Для примѣра скажемъ нѣсколько словъ о мѣстоименіяхъ притяжательныхъ, происшедшихъ отъ личныхъ, каковы *ихный, неинъ*, объ утратѣ которыхъ жалѣетъ И. И. Срезневскій на стр. 99 — 100 своей книги. Г. Шевыревъ, въ своемъ сочиненіи: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоезерскій Монастырь», во второй части, на стр. 115, приводитъ еще подобныя же мѣстоименія новгородскаго нарѣчія: *ейная*, то-есть ея, *евонова*, то-есть его. Это свойство народнаго языка русскаго—производить притяжательныя отъ родительнаго падежа мѣстоименій, принадлежитъ къ древнѣйшимъ особенностямъ церковно-славянскаго, въ которомъ находимъ нетолько общеизвѣстное *еговъ* отъ его, но и *чеговъ* отъ чего, *оноговъ* отъ онаго, *сеговъ* отъ сего, *тоговъ* отъ того. Легкость такого производства, происходящая отъ свойствъ самого языка славянскаго, была причиною, что наши древніе грамотники даже смѣшивали родительный падежъ существительнаго съ производнымъ отъ него прилагательнымъ. Такъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, въ своемъ переводѣ грамматики Іоанна Дамаскина, родительными падежами отъ существительныхъ: человѣкъ, жена, естество — почитаетъ прилагательныя: человѣковъ, женина, естествово — вмѣсто: человѣка, жены, естества. (Изд. Калайдовича, стр. 167—168.)

До-тѣхъ-поръ не будетъ окончательно опредѣлено значеніе многихъ русскихъ словъ, пока не приведутся въ извѣстность провинціальныя реченія. Иногда значеніе слова, сохранившееся въ провинціальномъ употребленіи, можетъ быть посредникомъ при сравненіи языка русскаго съ прочими индо-европейскими. Для примѣра приведу сибирское *дивно*, въ которомъ сохранилось значеніе латинскихъ dives, divus, deus. Понятія о свѣтѣ, днѣ, богатствѣ, изобиліи и божествѣ часто выражаются въ языкѣ однимъ и тѣмъ же корнемъ. Такъ у насъ одного происхожденія слова: *богатъ, збожже* или *сбожже* (обиліе, жито) и *богъ*. Въ латинскомъ, какъ у насъ, deus, divus одного корня съ dives; но кромѣ-того латинское divus переходитъ въ значеніе свѣта въ словахъ divum (sub divo), dies; съ dies, deus родственны латинское названіе богини Діана и наше *день*, по-санскритски *дîван* (собственно: *дѣлающій, подающій сіяніе, свѣтъ*); всѣ эти слова имѣютъ при себѣ въ санскритѣ глаголъ *дîв*, означающій: свѣтить, играть. Понятіе о богатствѣ, изобиліи, выражающееся этимъ корнемъ въ латинскомъ dives, сохранилось и у насъ въ сибирскомъ *дивно*, употребляющемся въ смыслѣ—много, изобильно, богато, довольно; напримѣръ, *денегъ дивно*, въ

домъ всего дивно, воды дивно. Такимъ-образомъ, какъ при нашемъ слова *богъ* находимъ *богатъ*, такъ и при divus, deus не только dives, но и русское провинціальное *дивно*. Нѣмцы, утратившіе при словѣ got, god понятіе о богатствѣ и обиліи, возстановляютъ себѣ это понятіе постояннымъ эпитетомъ въ эпической формѣ: *riki, god, riche got*, то-есть богатый богъ, какъ встрѣчаемъ въ древне-нѣмецкой поэзіи.

Исторія русскаго словосочиненія получитъ также значительное приращеніе, когда подвергнется ученому анализу складъ русскаго предложенія въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ. На 100-й страницѣ авторъ упоминаетъ о сочетаніи дѣепричастія съ глаголомъ существительнымъ—о сочетаніи, столь употребительномъ въ сѣверномъ нарѣчіи великорусскомъ. Г. Шевыревъ, въ вышеозначенномъ сочиненіи, на 115 стр., во второй части, приводитъ новгородское употребленіе дѣепричастій вмѣсто глагола въ изъявительномъ наклоненіи: *ушедши, пришедши, уѣхавши*, вмѣсто: ушелъ, пришелъ, уѣхалъ; очевидно, здѣсь при дѣепричастіи подразумѣвается глаголъ: есмь, еси, есть: *я есмь ушедши, ты еси ушедши, онъ есть ушедши*. Это провинціальное употребленіе дѣепричастія сохраняетъ въ себѣ доселѣ слѣды древнѣйшаго свойства славянскихъ нарѣчій, о которыхъ И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующее: «Соединеніе причастія дѣйствительнаго «настоящаго со вспомогательнымъ глаголомъ *быть*, было въ древнемъ «языкѣ также обычно, какъ и соединеніе съ этимъ глаголомъ причастія настоящаго страдательнаго; примѣры его можно найдти и въ памятникахъ старославянскихъ, напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи: «*и бѣ учѧ*»; и въ чешскомъ, напримѣръ, въ одномъ изъ очень «старыхъ списковъ Псалтиря: *neni kto dobuda dusě mé*»; «*нѣсть взыскаяй* душу мою», псал. 141, 5; и въ русскомъ, напримѣръ, у Нестора: «*бяше около граду лѣсъ и бяху ловяще звѣрь*». Форма эта не совершенно погибла: въ приморскомъ сербскомъ и хорватскомъ ее можно «еще слышать, хотя мѣсто причастія и заступило дѣепричастіе, на«примѣръ *он је био ходеч, када га позвали*—онъ былъ ходя, когда его «позвали.» Точно такъ и у насъ въ провинціальномъ употребленіи древнѣйшее причастіе замѣняется дѣепричастіемъ. На этомъ же основаніи употребляются дѣепричастія въ пословицахъ: «былъ у тещи, да радъ утекши», «водою плывучи, что со вдовою живучи». Такъ-какъ при дѣепричастіи подразумѣвается глаголъ вспомогательный, то дѣепричастіе въ народной рѣчи: 1) можетъ и не относиться къ тому же лицу, которому принадлежитъ глаголъ главнаго предложенія; напримѣръ, въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ», по изданію Калайдовича: «и годъ, другой *тому времени поизойдучи*», «тѣ Татары взбунтовалися» (стр. 122). Здѣсь почти какъ-бы дательный самостоятельный. Еще рѣшительнѣе отдѣленія лицъ дѣепричастія и глагола: «осѣдлавши онъ «Екимъ добрыхъ коней», «наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву» (тамъ же, стр. 182); въ пословицахъ: «бившись съ коровою, не удой; бьючися съ коровою не молоко; бобы не грибы, не посѣявъ, не взойдутъ.» 2) Можетъ употребляться съ личнымъ мѣстоименіемъ; напримѣръ, въ народныхъ стихахъ, по изданію Кирѣевскаго: «что жили вы тамо на вольномъ свѣту», «грѣхи вы ко грѣхамъ прилагаючи», «про страшенъ судъ вы Божій забываючи», «а про вѣчное житье вы не вспоминаючи» (стихъ 16, стр. 200 — 3). И наконецъ 3) можетъ соединяться съ глаголомъ, союзомъ. Въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ»: «а втапоры Илья Муромецъ Ивановичь глядючи на свое чадо милое, и

«заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичь» (стр. 363); «схватя ярлыкъ, «Иванъ, да и вонъ побѣжалъ» (стр. 137); въ пословицахъ: «ждучи попъ усопшихъ, да самъ уснулъ».

Еще разъ скажемъ, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній: исторія языка приводитъ въ извѣстность и объясняетъ грамматическія формы, словосочиненіе и корнесловъ языка русскаго, но никогда не имѣетъ въ виду предлагать для всеобщаго письменнаго употребленія ни народныхъ областныхъ реченій, ни древнихъ, устарѣвшихъ формъ языка.

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

